

Матьяна
Веденская

Д.Е.
ТОРОПИ
ЛЮБОВЬ
(полная версия)

Татьяна Веденская
Не торопи любовь

«Автор»

2005

Веденская Т.

Не торопи любовь / Т. Веденская — «Автор», 2005

Любит, не любит, плюнет, поцелует... Бедные женщины большую часть жизни обречены на эти гадания. Все время они в поисках принца, героя, рыцаря, мужа... которого, ох, если и посчастливится найти, еще нужно суметь удержать. Кате Барковой повезло, она отхватила жениха-иностранца. Американца, самого что ни на есть настоящего. И усилий-то особых прилагать не пришлось – подруги все сделали. Нашли кандидата, написали ему, пригласили в гости. И вот он тут как тут – красивый импортный мужчина. И свадьбу торопится сыграть... Только вот почему торопится? Куда спешит? Видно, прогнило что-то у них там, в американском королевстве, раз не глядя согласен взять невесту из России. Впрочем, Кате уже все равно. Поздно отказываться. Ее посадили в самолет и... вперед, за женским счастьем! Книга также издавалась под названием «Брачный марафон».

© Веденская Т., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Часть 1. Рыбки в мутной воде	5
Глава 1. Немного истории (про меня)	5
Глава 2. Кто к нам с чем зачем, тот от того и того...	12
Глава 3. Назвалась груздем – изволь соответствовать	22
Глава 4. Которую я провела в попытках сойти на «нет»	29
Глава 5. Happy birthday to you	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Веденская

Не торопи любовь

Незамужним девушкам, перешагнувшим тридцатилетний рубеж посвящается

Часть 1. Рыбки в мутной воде

Глава 1. Немного истории (про меня)

Итак, мормоны. Просто позор, на что приходится расходовать Интернет-трафик моих работодателей. На поиски информации о мормонах!!! Никогда бы ни подумала, что подобная история произошла со мной. Впрочем, как говорит моя мама, если бы на то была моя воля, я никогда ни о чем не подумала. Ладно, читаю с экрана компьютера статью какого-то американского умника. Место действия – моя драгоценная каторга. Время – начало июня. Просто глупо тратить начало июня на прояснение ситуации с мормонами, а что делать? «В ответ на все возмущенные возгласы общественности, мормоны уверяют, что, во-первых, многоженство не было у них так уж широко распространено». Ага, не было, как же, если уж добралось до наших московских реалий. «Во-вторых, многоженство среди мормонов было отчасти необходимо из-за того, что уменьшилось количество мужчин». С этим не поспоришь, действительно, мужик нынче действительно перевелся, раз мормоны стали так процветать. Ну ладно, поехали дальше. «В-третьих, многоженство в основном было делом благотворительности, чтобы заботиться о пожилых женщинах и вдовах». Интересно, какое отношение этот бред имеет ко мне? Хотя? Возможно, современные мормоны считают, что тридцатник для женщины – вполне ничего себе пенсионный возраст. Да, пожалуй, третий пункт имеет ко мне самое прямое отношение, как это ни прискорбно, потому что никаких других объяснений, как я умудрилась попасть в такой переплет, у меня нет. Итак, по порядку... Знать бы еще, кого именно призвать к этому самому порядку.

Всю свою сознательную жизнь я прожила самым что ни на есть банальным образом, не совершив никаких экстремально-выдающихся подвигов. Мама говорит, что ту часть жизни, которая является бессознательной, я тоже не отметила ничем особенным, однако я предпочитаю верить, что хотя бы младенцем я была уникальным. В конце концов, каждый человек имеет право видеть в себе изюминку. Однако при заполнении биографии я могу гордиться, что каждый мой пункт будет соответствовать признанным социальным стандартам. Родилась. Росла. Училась в школе (с переменным успехом). Поступила в институт. В педагогический. Произношу гордо, потому что если не буду верить, что это круто, будет сложно объяснить такой, мягко говоря, неэсклюзивный выбор даже самой себе. Если докопаться до первопричины, она будет крыться в географических показателях. От моей родной улицы Бориса Галушкина до Сельскохозяйственной улицы, где дислоцировались будущие педагоги, было всего двадцать минут пешком.

– Дочка, ты уверена, что знаешь, кем хочешь стать? – спросила меня мамочка, когда я думала только о том, чтобы добиться поцелуя от Сережки из параллельного одиннадцатого класса. Ее вопрос поставил меня в тупик. Мой тупик не явился сюрпризом для моей мамы. Она до сих пор считает, что я постоянно нахожусь в состоянии клинического непонимания происходящего.

– Нет, не уверена, – пожала плечами я.

– Тогда почему бы тебе не пойти на факультет делопроизводства в пединститут около ВДНХ, – предложила мама.

– Почему туда? – уточнила я.

– Это близко к дому, а профессия секретаря всегда прокормит тебя. При твоей легкомысленности это будет большим подспорьем, – весело аргументировала мама. Я не нашла ничего против. Мама оказалась права во всем, кроме одного. Учиться в институте, где на одного мальчика приходилось пятнадцать-двадцать девочек, было довольно скучно. Приходилось искать приключения на свою голову где-то по дороге из института домой. Много ли приключений можно найти за двадцать минут пешей прогулки?

– В этом институте ужасная тоска! – жаловалась я.

– Зато безопасно, – ставила все по своим местам мама. Угроза моей безопасности пугала маму гораздо больше, чем было нужно для дела. Я все-таки умудрилась пережить за время учебы в институте пару-другую заваливших романов. Ни один из них так и не вышел за рамки разумного, чему очень радовалась мамуля, в отличие от меня. Таким образом, проведя под крылом матери двадцать три года, я не удосужилась (по ее же словам) вырасти и превратиться в сознательного члена общества. Поэтому ей пришлось сдать меня секретарем в добрые руки одного старого знакомого по партийной линии, заведующего кафедрой каких-то немислимых наук в МГУ. Я натянула костюм, принялась отвечать на звонки и печатать на старой печатной машинке бредовые тексты типа: «тенденции экзистенциального подхода в классификации методик религиозного разделения течений в индуистской конформистской этике». Я не понимала ни слова, однако мама решила, что мое будущее вполне наметилось и пора переходить к плану «Б».

– Теперь ты можешь с чистой совестью сосредоточиться на замужестве, – сообщила она радостную новость, вручая мне подарок на двадцати трехлетие.

– А раньше? – решила удивиться я. – Раньше рано было?

– Раньше ты была еще молода. Ты могла бы надеть глупостей.

– Понятно, – протянула я, разворачивая завернутую в цветастую бумагу книгу о семейной психологии. Надо же, никогда не стремилась надеть никаких глупостей, однако в тот далекий день двадцати трехлетия, глядя на символ «очередного этапа становления меня как успешной личности» (книга для семейной жизни), врученный мамой, мне захотелось немедленно пуститься во все тяжкие. К сожалению, двадцать три года – довольно сложный возраст, чтобы начать учиться курить и пить самогон, слушая гитарный вой подростков в подъезде. Пришлось мне в выражении протеста перед деспотией матери ограничиться красивым бурным романом. Первым романом, к которому мама отнеслась с глобальным неодобрением. Первым, в котором взрослый мужчина, намного старше меня, однозначно не собирался ограничиваться поцелуями в кинотеатре и стихами на лестничной клетке.

– Этот мужчина никогда не сможет позаботиться о тебе должным образом, – отрезала мамочка, когда я представила ей Олега Петровича. Мне было непонятно, что за смысл мама вкладывает в выражение «должным образом». На мой глупый взгляд умелые и искусные объятия Олега Петровича, а также столь мало изученные мной радости секса уже выгодно выделяли его из невыразительной кучки моих прыщавых институтских возлюбленных.

– Я очень люблю вашу дочь и сделаю все, чтобы она была счастлива, – с достоинством оппонировал он. Мама неодобрительно выслушала его уверения, а вечером принялась докапываться, где это я умудрилась откопать такое чудо.

– Мы познакомились в МГУ. Он приходил, чтобы купить какую-то сложную книжку, которую написал твой этот политический знакомый, – попыталась я переложить ответственность за наше с ним знакомство на маму.

– Так Олег Петрович – научный работник? – с сомнением переспросила она. Любые доводы в пользу моего героя романа она брала под сомнения. Как обидно было теперь при-

знать, что мама была права. Есть в этом что-то неправильное, когда твоя мама лучше, чем ты знает, как тебе жить.

– Нет, он не научный работник. Он – бизнесмен. Но он ОЧЕНЬ образован, с ним ОЧЕНЬ интересно, – отбивалась от прародительницы я. Однако наши с ней противоречия зашли в тупик, главным образом из-за того, что Олег Петрович, постоянно работая над вопросом моего счастья, совершенно не греб в сторону ЗАГСа.

– Дорогая, как это ни ужасно, я женат на женщине, которая ничего не значит для меня.

– Как это? – обалдела я, когда услышала про его ОБСТОЯТЕЛЬСТВА в первый раз. – Почему же ты с ней живешь?

– Мы с ней растим ребенка. Я не могу его сейчас оставить, хотя мы с женой спим в разных комнатах, – трагическим голосом заверил меня Олег Петрович.

– Но это же невозможно. Если ты любишь меня, то ты должен это все как-то решить, – выдавила я из себя. Надо признаться, подобные разговоры я заводила всего пару-тройку раз за всю историю наших с Олегом Петровичем отношений. Я, конечно же, хотела замуж. По-крайней мере, я понимала, что должна бы хотеть, но... Мне было двадцать три, ему – чуть за сорок, я не была расположена думать дальше завтрашней распродажи обуви, а он с удовольствием тратил на меня деньги, так что включать «думалку» я не желала. А зря. В любом случае, если уж я и удосуживалась пригвоздить его к стенке, он легко и не напрягаясь развеивал все мои сомнения.

– Дорогая, ты же знаешь, что я люблю только тебя. Сейчас моей дочери десять лет. В шестнадцать ее характер полностью сформируется и я смогу оформить наши отношения по закону. А пока я ведь всегда рядом, верно?

– Верно, – кивала я, наслаждаясь его взрослой стабильностью и уверенностью в себе. В самом деле, мы с ним жили фактически семьей. Он снимал двухкомнатную квартиру на Юго-Западной, где я была эдакой порхающей с ветки на ветку беззаботной хозяйкой. Два или три раза в неделю он приезжал и ночевал со мной, обычно это были будни. В остальные дни я принимала у себя многочисленных подруг, с которыми мы предавались гаданиям и всякой астрологической чуши, от которой получали неземное наслаждение.

– Когда вы поженитесь? – постоянно спрашивала меня мать, пока мне не надоело. Тогда я сказала ей, что мы с Олегом Петровичем УЖЕ поженились.

– Мы поженились в прошлом году, – беззаботно прощелбетала я в трубку, чувствуя, что мои щеки пунцовеют от стыда.

– Как это? – опешила мама.

– Он не хотел, чтобы это событие сопровождалось каким-то шумом. В конце концов, он разведенный мужчина, зачем устраивать громкие свадьбы, – с упоением врал я, стараясь одновременно сделать маме приятное и унять постоянно возбуждаемые ее вопросами мысли о шаткости моего истинного положения.

– Но меня ты обязана была пригласить, – обиделась мама. Поверила, значит, с облегчением вздохнула я. Мамуля, конечно, усыпала меня контрольными в голову вопросами, но за все годы жизни рядом с ней уж что-то, а врать я научилась вполне корректно. Слава Богу, ей не пришла в голову простая идея проверить мой паспорт. Впрочем, это не так просто, проверить паспорт двадцати пятилетней женщины, которая уже два года живет с мужчиной под сорок на другом конце города.

После того, как я малодушно проигнорировала проблему, вместо того, чтобы ее решать, мама полностью переключилась на устройство судьбы моего младшего брата, который в тот момент вошел в период армейского призывного созревания. Вся бронбойная мощь маминих ресурсов была направлена на сохранение российской армии от чумы по имени Рома Барков, поэтому судьба Катерины Барковой перестала быть вопросом номер один. Замужем и замужем. Слава Богу. Давай рожай внуков.

– Как ты могла? – спросит меня когда-нибудь мамуля, пристально и с пристрастием сверля меня взглядом. Тогда я взвояюсь ужом и примусь каяться, на полном серьезе признавая, что мама была права во всем, а мне надо было с самого начала устраниваться от управления своей судьбой, предоставив все ей. Надеюсь, что этот день никогда не наступит. Вот уже два года как мама с чувством выполненного по отношению к деткам долга живет в деревне, экологически чисто питаясь и угощая нас домашними яйцами и зеленью с огорода. После того, как угроза махать кирзовыми сапогами по просторам Родины перестала нависать над бестолковой головой моего братца, мама как-то расслабилась и решила пожить для себя. Согласно давно разработанному плану, она купила дом в деревне, положила в чемодан все свои вещи, прихватила моего отца, чтобы не пропал без нее, и отбыла на покой. А мы с тех пор пытаемся жить своими головами, хотя это довольно сложно, поскольку все предыдущие годы нас от этого методично отучали. Ромик стал двадцати трехлетним оболтусом, который в основном спит или пьет пиво в ночных клубах. Мы ездим к маме два-три раза в год, где она с укоризной требует хоть от кого-нибудь из нас исполнения биологического долга. Столько же раз в месяц она принимает от нас устный отчет по телефону. В таких условиях мы оба научились лихо и залихватски врать. Это малодушно, я все понимаю, но, воспитанные железобетонно любящей мамой, мы через некоторую долю малодушия сохраняем себя от полного разрушения. Что нам делать, если без ее присмотра мы резко перестали соответствовать высокому званию ее идеальных детей?

– Так, что случилось? Хватит молчать и копать в Интернете! Откуда вдруг такой интерес к мормонам? – тряхнула меня за плечо подруга, Римма Воронина. Я вынырнула из пучины воспоминаний детства и осознала, что сижу в офисе корпорации «Premier Media World», куда перешла работать года два назад, потому что МГУ с его заумью окончательно перестало платить секретарям. Работать бесплатно в условиях дикой скуки и отсутствия подружек я не могла, однако все так и тянулось бы, если бы добрые люди в лице Исполняющей Обязанности Проведения Риммы не перетащили меня из-за старенькой пишущей машинки МГУ за новенький компьютер «Премьер Медиа».

– У меня горе, – наморщив лоб, попыталась отвязаться от нее я. Однако заявление о горе из моих благополучных и беззаботных уст поразило ее так, словно ромашка заявила, что наконец стала-таки кактусом.

– У тебя? И что же это за горе? Ноготь сломала? – предположила она.

– Мне пришлось бросить Олега Петровича, – раскрыла все карты я.

– Что значит, пришлось? Почему? – заинтересовалась Римка. Я принялась паниковать. Вот уже шесть лет я вела совершенно бесполезный и восхитительный образ жизни, который устраивал меня на все сто, поэтому необходимость что-нибудь менять вводила меня в транс.

– Потому что... Потому что так дальше нельзя, – не решилась сказать ей правду я.

– Что именно нельзя? – нависла надо мной всеми своими девяноста килограммами подруга.

– Ну, он же на мне так и не женился. И потом, я хочу ребенка. И даже двух, – зачастила я, но Римма на раз вычисляла мое вранье.

– На все на это тебе абсолютно наплевать. Что случилось? – приперла меня к стенке она. Я не нашла больше в себе сил сдерживаться и расплакалась. И было отчего.

– Оказалось, что Олег Петрович, столь благородно живущий с женой ради ребенка и со мной ради любви, все время врал мне! – сквозь слезы выдохнула я.

– Да ну, – придвинулась Римма.

– Он поставил сроком своих моральных обязательств шестнадцатилетие своей дочери. Оно как раз должно было совпасть с моим тридцатилетием, вернее, прийти на один год с ним. Поэтому я думала, что скоро свадьба, потом ребенка рожу, потом... Олег Петрович купит нам с маленьким квартирку, чтобы не снимать чужие углы, я буду лепить с ребенком из пластилина

зайцев, кроликов и медведей, запихивать в него кашу и ни разу не скажу, что знаю, кем он должен стать.

– Ну и? – начала раздражаться Римка.

– А Олег Петрович всячески поощрял во мне эту уверенность. Стал последние полгода чаще приезжать и ночевать со мной. Дарил цветы, подарки, был невероятно ласков.

– Не реви. Что случилось? Он тебя бросил?

– Нет, – еще горше залилась я. В самом деле, если бы он меня бросил, это было бы даже легче, потому что не пришлось бы ничего решать, предпринимать. Все решилось бы само. Как я это не люблю, суетиться, что-то там менять. А ведь пришлось, заставили, как всегда.

– А что? – начала терять терпение Римма.

– На той неделе мне позвонила какая-то женщина. Незнакомая. Не представилась, ничего не сказала о себе. Только спросила, я ли Катя Баркова.

– Это что, его жена? – предположила Римма. – Так это естественно, что она сейчас будет бороться за него, ты должна была быть к этому готова. Разве ты согласилась бы на развод так легко?

– Это не жена была, – с досадой взмахнула рукой я. – Это была какая-то посторонняя девушка. Очень уверенный голос, зовут Лидия. Она спросила, живу ли я с Олегом Петровичем. Я сказала, что таки да, живу, но это не ее дело.

– А она?

– Она засмеялась и сказала, что ее звонок – это благо прежде всего для меня. Вот так.

– Это почему? – Римма была настолько заинтересована, что про свои прямые обязанности и думать забыла. Она сидела на столешнице моего стола, опершись массивной спиной на офисную стойку.

– Короче, она тоже живет с Олегом Петровичем, только не шесть лет, а полгода. И она заподозрила его в лицемерии.

– Почему?

– Что ты почемукаешь как попугай, – раздражилась я. – Потому что он никогда ее по имени не называл. Только рыбкой, зайкой или еще какой-нибудь зверюгой. Словно боялся имена перепутать. Она начала за ним наблюдать. Подслушивать разговоры.

– Вот скотина, – всплеснула руками Римма.

– Ага. А я зайчик из плейбоя. Как дура просидела с ним лучшие шесть лет жизни, – обиделась я. – В общем, таких, как я у него еще двое. Он снимает еще две квартиры. Для Лидии. И Ирины. Она совсем молоденькая.

– И все? – деланно пожала плечами подруга.

– Еще жена.

– Ах да, про нее я забыла. Так это он – мормон? – догадалась она.

– Я не знаю. Просто я предположила... Должно же быть этому какое-то объяснение!

– Неплохое ты нашла объяснение. И вообще, нормальные бабы идут и морду бьют, а не ищут объяснения, – возмутилась она.

– Я морду бить ходила. Мы в выходные встречались, – попыталась оправдаться я.

– Кто мы? – вытаращила глаза Римка.

– Я, Лидия, Ирина и его жена. И знаешь что!

– Что?!

– Он и с женой тоже прекрасно живет! У них, оказывается, действительно есть дочь, которой почти исполнилось шестнадцать.

– Хотя в чем-то не врал, – попыталась утешить меня Римма.

– Ага. И сын, которому всего год. И Ирина эта – беременная. А жене пофиг. Она сказала, что давно привыкла, что Олег Петрович полигамный мужчина и не ревнует. Тоже ведь мор-

монша проклятая. – Я рыдала. Не то слово драма, прожить шесть лет с мужчиной, который казался воплощением идеала, чтобы узнать, что он просто любит жить с разными женщинами.

– Что делать? Ты с ним говорила?

– Говорила, – уныло кивнула я. – Теперь даже жалею.

– Жалеешь? Он тебя обидел? – нахмурилась Римма.

– Эта Лидия предложила поймать его с поличным. Вчера мы засели у нее на квартире (кстати, моя лучше) в засаде. А он, когда нас увидел, так огорчился, что чуть не расплакался. И говорил, что любит нас всех. И был очень искренен, – нараспев прорыдала я, вспомнив его страдающее от неминуемой потери лицо. Наверное, в его возрасте трудно расставаться с любимыми женщинами. Даже если их – толпа.

– От скотство, – воскликнула Римма и оглянулась, видимо, прикидывая, кому первому рассказать столь достойную историю.

– И что он не понимает, что нас не устраивает. Деньги он на нас тратит, не жалеет. Со всеми проводит примерно поровну времени. Признает всех детей и всех любит.

– Ангел! – кивнула Таня Дронова, которая, оказывается, все слушала за стенкой тонкой офисной перегородки. Она высунула веснушчатый нос на миловидном двадцати пятилетнем лице, обрамленном рыжими волосами и с интересом посмотрела на меня. Не каждый день сидишь рядом с жертвой мормона.

– Не то слова. Просто пойд и поищи другого такого. А самое ужасное, что каждой из нас действительно было с ним хорошо! – всхлипнула я. – Я жила за ним шесть лет и ДЕЙСТВИТЕЛЬНО была вполне счастлива. А теперь получается, что мамочка была права с самого первого дня. Я полная идиотка, а он – недостойная сволочь. И уж то, что мама права, просто ужасно!

– Не реви, – скомандовала Римма. – Ты с ним уже поговорила?

– Ну да! Прямо там, как договаривались. Сначала Лидия, потом я. Встали и сказали, чтобы он не смел больше ни на секунду появляться в наших жизнях. Я потом только подумала, что может, не стоило.

– А он?

– Он сказал, что не против, если это нам действительно нужно. Для него сейчас эта беременная девочка Ирина – задача номер один. И жена. И счастья нам пожелал! – я затряслась в рыданиях. Уже давно я свое счастье связывала только с его седеющим благородным образом. Я, хоть и росла при живом отце, фактически воспринимала его как еще одного захребетника на шее матушки, потому что он был таким же несмышленным сосунком, как и мы с братом. По выходным он тихонько квасил с мужиками за домино. А в будни забивался к телевизору и весь вечер читал газеты. Поэтому Олег Петрович стал для меня всем – мужчиной, любовником, отцом, старшим товарищем. Ответом на все вопросы, возможностью в эти вопросы даже не вникать. А теперь, как по заказу, я заполучила в личное пользование душевную травму и целое ведро вопросов, требующих немедленного разрешения. Где мне жить? Через неделю надо платить за квартиру, а это, между прочим, шестьсот долларов, не хрен собачий. Вся моя зарплата составляет пятьсот, так что это вопрос сразу отнесся к зоне не решаемых. И главное – как сказать обо всем этом маме!!!!!!

– Будешь маме говорить? – с сомнением спросила Таня. Из-за близкого расположения рабочих мест она полностью владела всей полнотой информации про мою жизнь, впрочем, как и я про ее. Я бы с закрытыми глазами сказала, кто Танька по гороскопу, какой характер у ее мужа и когда у нее в последний раз был пробой в средней чакре, но об этом не буду.

– Не знаю. Думаю, может пока подождать, – затряслась я.

– Чего? Чего ждать?! – возмутилась Римма. – Ты же понимаешь, что ничего не изменить.

– Ничего? – подняла я на нее влажные от слез глаза. Где-то на подкорке я все-таки надеялась, что Римма что-нибудь придумает. Имитировать беременность, опоить и тайно женить

на себе, пригрозить, что украду ребенка и заставить... А если Римма говорит, что ничего не изменить, значит все, тупик.

– А что, ты бы хотела вернуть эту многоженскую сволочь?

– Я не знаю.

– Не реви. Вот, читай, – Римма ткнула в экран компьютера, где до сих пор висела статья про мормонов. – «Многоженство в основном было делом благотворительности, чтобы заботиться о пожилых женщинах и вдовах». Ты что, хочешь быть предметом благотворительности? Пожилая ты моя!

– Ничего я не хочу, – насупилась я и пошла мыть лицо холодной водой.

Однако даже после этого рабочее настроение не снизошло на меня. Откровенно говоря, и в лучшие дни я была, мягко говоря, прохладна к своим прямым трудовым обязанностям. А уж в день такого траура стучать по клавиатуре и приятным голосом вещать в трубку мне не могло быть совершенно. Я по-тихому срыла от Римкиного навязчивого сочувствия, дорулила до офисной столовой, где под неодобрительные взгляды сослуживцев принялась лить слезы за барной стойкой.

– Еще мартини? – вежливо переспрашивал бармен, а я кивала и пыталась выяснить у него, почему это они – мужики, такие козлы. И, главное, почему это одни (имелись в виду такие, как бармен, мой братец и большинство обычных, не мормонских мужиков) жалятся на каждый рубль и норовят дать жене в нос, если она найдет зарплату, а другие (имелся в виду Олег Петрович) оплачивают по три съемные квартиры и умудряются содержать четыре фактически семьи сразу. И почему это я должна считать мерзавцами последних (Олега Петровича) и пытаться полюбить первых (жлобских подонков). И кому это все надо?

– Ты еще спроси, что делать, Чернышевская! – обиделся бармен и стал недоливать мне мартини. А между тем основную зону проблем он очертил очень верно. Мне, почти тридцатилетней женщине, впервые в жизни предстояло найти ответ на вопрос «Что делать». И надо честно признать, что это меня совершенно не радовало.

Глава 2. Кто к нам с чем зачем, тот от того и того...

Трагедия моей жизни заключается главным образом в том, что я всегда уповаю на высшие силы и надеюсь, что все «складется» само. В основном так и происходило. Я бегала по поляне и нюхала ромашки, а Божественная Воля в лице моей матушки исполняла все необходимое. Оставалось только принять исполненное по описи. И почему меня это так обижало? Мечтала-мечтала о самостоятельности, вот и накаркала. Что с ней теперь делать, ума не приложу. Шесть прекрасных лет я приезжала на Юго-Западную и восхитительно чувствовала себя хозяйкой ставшей почти родной квартиры. Стоп, так нельзя. Сейчас, когда я точно знаю, что прошлого не вернуть, я обязана думать по-другому. Буду учиться думать про всю мою жизнь с Олегом Петровичем в мстительно-уничтожающем стиле. «Шесть ужасных лет я перелась сквозь пургу на Юго-Западную, где мучилась от одиночества, пытаюсь... что же я пыталась? Как бы поужасающее выразиться? Пыталась готовить ужасно изысканные блюда, чтобы развлечь издевательски веселых подруг, которые мучительно часто приезжали ко мне в это мрачное логово мормона. Мучительно часто мы зажигали отвратительно пахнущие лавандой свечи и гадали на горьком и ужасно черном кофе, которое предсказывало всем нам мучительные и ужасные гадости. А сколько страшных кошмаров снилось мне на этом ужасающе порочном ортопедически-отвратительном ложе! Какое счастье, что теперь все наладится, и я смогу наслаждаться своей взрослостью в родной комнатке на Бориса Галушкина». Все, на сегодня достаточно реально смотреть на окружающий мир, а то хочется плакать. Надо быть сильной, собирать вещи, куда-то там их паковать, вызывать грузчиков, которые обязательно половину украдут, а вторую потеряют. А может, тогда все это бросить здесь и забуриться к Полине, моей бывшей однокласснице? А что, скажу, что здесь был пожар, устроенный возмущенной ответственностью, и поеду к братцу налегке. С другой стороны, что я потом скажу маме?

Примерно в таких размышлениях и самомедитациях я покидала убежище Олега Петровича. Я не решилась устроить пожар и, проклиная все на свете, дотащила свой скарб до родного дома. Я, конечно, не рассчитывала на излучающего радость Ромку. Два последних года он прожил в родительской квартире один, в свое удовольствие таская сюда всяческих девиц и дружков. Насколько я имела представление об его образе жизни, он вставал за полдень, а домой являлся глубокой ночью и не каждый день. Однако реальность потрясла меня куда больше. Продавившись по московским пробкам от улицы Миклухо-Маклая (оказывается, это не партийная кличка, как я всегда думала, а фамилия!) до ВДНХ, я надеялась побыстрее преодолеть последние метры дистанции и выгрузить все свое многочисленное и бесполезное барахло, однако дверь нам (мне и вопящему о потерянном времени водителю Газели) никто не открыл. Я поковыряла ее своим ключом, но засов новенькой металлической преграды, которую мама специально делала на заказ в фирме с совершенно звериным названием, был задвинут изнутри. В этом случае ключи были совершенно бессмысленны.

– Может, постучать монтировкой? – предложил сочувствующий водитель.

– Давайте, – обрадовалась я, так как мои набойки на каблуках сбила об дверь довольно быстро. На самом деле поведение брата меня возмущало так, что дальше некуда. Еще вчера я предупредила его о своем приезде, чтобы не пришлось наткнуться на что-нибудь такое, о чем я, как сознательная старшая сестра буду обязана донести маме. Мамины нервы надо беречь, поэтому я старалась проявить максимальную корректность и лояльность к Ромкиной личной жизни. А он мне подложил такую собаку. Или свинью? Кого обычно подкладывают? Хотя, подложить свинью – что в этом может быть обычного?

– Стучать? – переспросил на всякий случай водитель. Я с опаской посмотрела на дверь и кивнула.

Грохот от ударов монтировки по металлу превзошел все мои ожидания. Я с уважением посмотрела на водилу и приготовилась услышать за дверью шаги. Шагов не было. Водитель покрылся испариной.

– А вдруг с ним что-то случилось, – с вызовом принялась оправдываться я. – Может, у него приступ чего-нибудь.

– Чего? – сквозь зубы процедил он. – От приступа совести в обморок упал?

– Хотя бы, – отвернулась и постаралась не паниковать я.

Седьмой этаж исключал попытки перелезть на балкон через соседское окно. Прошло еще минут десять, пока водитель бегал вокруг дома и орал. Наконец он охрип и поднялся обратно. Я вдохнула поглубже и принялась паниковать. А что мне оставалось? Если бы я немедленно не почувствовала признаков панической атаки, головокружения и озноба, водитель бы вызвал у меня все вышеперечисленное грубыми и неприятными средствами. А так он помог мне прилечь на кушетку у соседей, молча выгрузил мое барахло около похожей на последний бастион, позади которого Москва, двери и отбыл с миром, даже не потребовав как следует чаевых. То есть, он попытался, конечно, но я при его появлении в коридоре соседской квартиры немедленно выпадала в осадок. Стрбовать чаевые с бездыханного тела, лежащего среди аромата валерианы и карвалолола было довольно проблематично. В общем, он уехал, я малопомалу пришла в себя и принялась караулить скарб, подпирая дверь в рай.

– Ну, Ромка, только выйди. Убью, – пообещала я в небеса.

Словно услышав угрозу, Рома из квартиры выходить не спешил. Только к вечеру, словно оборотень, подчиняющийся зову луны, он выполз, бледный и отрешенный, явно планируя направить стопы в какой-нибудь ночной клуб. Завидев его красивый бледный анфас, я встрепелась, сбросила сонливость и собралась орать.

– Ты что тут делаешь?! – настолько искренне и непосредственно изумился он, что я фактически подавилась своим возмущением.

– Я!!!! (твою мать!!!) ТУТ!!! УЖЕ С ОБЕДА!!! (твою мать!!!) СИЖУ И КУКУЮ!!! – выпустила гнев наружу я.

– А чего не зашла? – невинно оглядел меня с ног до головы он.

– Мне на лестнице больше нравится. Тут к людям ближе, – попыталась поострить я, но Роман еще не включал юморилку, поэтому ни одна эмоция не пробежала по его личику.

– Ну-ну, – протянул он и принялся помогать мне затаскивать сумки – коробки – чемоданы – пакеты.

– И почему же ты не открывал? – любопытствовала я. – Просто интересно.

– Я плеер слушал.

– Полдня?! – поразила я.

– А что? Я под музыку живу, – гордо заявил братик. – А это что за хрень?

– Это не хрень! Это – люстра Чижевского! Я под нее тоже живу, – ответила я, хотя, если честно, страшную круглую штуковину приволок и подвесил под потолок Олег Петрович. Он был мнителен во всем, что касалось здоровья. Еще бы, ему всех жен-детей поднимать! Короче, мысль, что можно воткнуть в розетку некое похожее на ежа чудо техники и дышать экологически чистым правильно заряженным горным воздухом, очень отвечала его мечтам. Не знаю, насколько эта штуковина действительно полезна, но при отъезде я решила, что раз уж все равно плачу за Газель, так не оставлю камня на камне. В смысле, заберу все, кроме мебели, которая, на самом деле была не Олега Петровича, а хозяйская.

– И надолго ты ко мне? – осторожненько поинтересовался Ромик. Я взвилась круче огней пионерского костра.

– Навечно! И чтобы больше никогда не запирался на засов. И баб не водил. И мужиков.

– А они-то мне зачем? – попытался обидеться он.

– А я почему знаю? – отрезала я. – Чтоб никого. А то маме доложу.

– Это бесчеловечно! – на полном серьезе испугался братец. Аж пятнами пошел. Что-что, а инструмент воздействия у меня есть.

– То-то, – удовлетворенно кивнула я и пошла осваиваться в родных пенатах.

Однако даже поверженный брат не мог искупить того состояния подавленности и одиночества, которое охватило меня. Я поплакала в ванной, пошлепала по пустой квартире, в которой провела все свое счастливое детство, босыми ногами, позвонила паре-другой подруг и уснула, совершенно обесточенная.

Завтра была суббота. Обычно по субботам я собирала у себя небольшое, но очень светское общество, и придавалась безделью. Не смотря даже на отсутствие братца, который счел за лучшее не мозолить уж мне сразу глаза и переночевать где-то подальше, я никого не позвала. Просто никого не хотела видеть. Что странно и нетипично для меня.

– Может, температуру померить, – заволновалась я. Температура была предательски нормальной. Тридцать шесть и шесть. Через двадцать минут иступленного держания подмышкой тридцать шесть и семь.

– Сволочь! – разозлилась я и принялась копать в Интернете, пытаюсь найти объяснение своей пугающей тяги к одиночеству. Про тягу ничего не нашла, зато откопала наш с Ромкой гороскоп совместимости. Он гласил: «Весы крайне сложно уживаются с Рыбами. Это тяжелый союз малопонимающих друг друга людей, живущих разными интересами. Союз может быть сохранен только благодаря Весам, которые всегда стремятся сохранить равновесие. Впрочем, Рыба тоже предпочитает на открытый конфликт не идти. Но они быстро надоедают друг другу. Так и живут – у каждого свои интересы, каждый тянет в свою сторону». Я подумала, что этот гороскоп удивительно точно и сжато передал всю пугающую палитру нашей с братом родственной любви. Тяжелый союз малопонимающих друг друга людей! Вот что меня ждет теперь вместо радостей любви.

– Катюха, говорят, ты вернулась домой? – вежливо поинтересовался чей-то смутно знакомый женский голос в телефонной трубке, которую я схватила раньше, чем подумала, надо ли оно мне.

– Нет. Это не я! – попыталась глупо отмазаться я.

Голос не повелся.

– Тогда мы сейчас будем, – обрадовал меня он.

Я оторопело послушала короткие гудки и стала строить предположения насчет того, кто бы это мог быть. Наташка, вернее Наташки в количестве двух штук, которые живут в кирпичной пятиэтажке напротив? Эти самые Наташки неразлучны с самого детства и всегда любили ходить ко мне в гости, но откуда они могли узнать. Или Полина? Но как я могла не узнать свою лучшую школьную подругу. И опять же, откуда она могла узнать. Может, воспользоваться братовой идеей и не открывать замок?

– А ну открывай! – проорала дверь.

Сколько я не делала вид, что меня нет, что я в душе, в плеере, в гробу в белых тапочках – дверь не прекращала звонить и стучать на все лады. Я превозмогла неожиданное отвращение к людям и отперла.

На пороге были представлены все мои школьные и дворовые подруги, а также и друзья. Народу было пугающе много, я даже испугалась, что меня сейчас начнут грабить или бить, но Полина протиснулась сквозь Наташек и протянула мне бутылку вина.

– Проходите, рада вас видеть, – заулыбалась я.

– И мы, и мы, – закивали присутствующие, с интересом осматривая меня со всех сторон.

– На мне узоров нету и цветы не растут, – возмутилась я.

– Ты и правда жила с мормоном? – высунулась из-за холодильника, в котором разочарованно копалась уже минут пять, Наташка намбер ван. Я осела на пол, как пожухлая листва.

– Познавательны уже то, что народу, да еще в таком количестве, известно о моем приезде. А уж про мормона я просто молчу! Я что – жила в шоу Трумена? Вы понатыкали в меня жучков?

– Твой братец вчера ночевал у моего брата, – прояснила суть вопроса Наташка намбер ту.

Вот так молниеносно и бесперебойно сработал наш дворовый телеграф. Как, впрочем, и всегда. Теперь надо только молиться, чтобы он не донес эту жуткую весть до пригородов Воронежа, где моя мама мирно взращивала укроп с кабачками.

– Выпей, – сочувственно протянул мне бокал какой-то миловидный парень с приятным, но совершенно незнакомым лицом.

Я приняла бокал и погрузилась в раздумья относительно того, как именно собираюсь жить в этом рассаднике сплетен и алкоголизма. Потом мысли унесли меня по какому-то Гольф-стриму к Олегу Петровичу и я, опрокидывая в себя стопку за стопкой, рыдала, что по ужасному стечению обстоятельств никого лучше, нежнее и прекраснее этого изувера у меня не было и, наверное, не будет. Меня утешали, слезы горячими ручьями стекали за воротник, цвет лица неумолимо приближался к пионерскому галстуку, а я также неумолимо понимала, что жизнь моя кончена, а впереди ждет беспросветная череда унылых дней, среди которых потеряется моя молодость. Двадцать девять лет – возраст, в котором женщина уже должна проверять у кого-нибудь уроки, а мужа воспринимать, как неперемный атрибут типа шифоньера. У меня же не было даже намека ни на то, ни на другое. Но самое страшное, что пройдет короткое лето, настанет сентябрь, мир вокруг станет ярким и разноцветным. И в день моего рождения, двадцать пятого числа, я в полном одиночестве и стерильности разменяю четвертый десяток.

К утру понедельника у меня закономерно и, при этом, невыносимо болела голова. Нервно захлебывающийся будильник сыграл на моих нервах траурный марш, я разлепила глаза и принялась судорожно искать отмазку для работы. Я редко пропускала этот неиссякаемый источник общения и наличности, но иногда все же лживо придуривалась, чтобы полежать в тишине и одиночестве. Померила температуру. Результат нулевой. В смысле, градус соответствовал средним показателям, что при условии тяжелого похмелья было удивительно. Позвоню и скажу, что кот разбил будильник.

– У тебя нет кота! – услышала я голос совести, очень похожий на Риммин.

– Ну и ладно. А тогда... Я не смогла проснуться, потому что мой мозг отказался приходить в себя!

– Тогда тебя пора вязать и паковать в дурдом, – оппонировала совесть. Я загрустила. Оставалась одна надежда на гороскоп. Вдруг он категорически запретит мне идти на работу? Я зашла в Интернет и на знакомом астрологическом сайте нашла-таки то, что мне пригодилось. Оказалось, что гороскоп для Весов на этот понедельник был самым что ни на есть пугающим. «Остерегайтесь негативных контактов, не принимайте судьбоносных решений, они могут испортить вам всю жизнь. Также воздержитесь от тяжелых физических нагрузок, возможно получение травмы». Конечно, судьбоносные решения не входили в программу моих рабочих полномочий. Но что такое есть моя работа секретаря, кроме как негативный контакт и тяжелая физическая нагрузка? Уж кто-кто, а Римка не сможет противостоять такому аргументу!

– Римка не сможет, а вот начальник отдела очень даже сможет. Еще не хватало сейчас потерять работу, – гадко аргументировал внутренний голос. Я со стоном добралась до кухни и со спокойствием зомби помешивала в турке кофе до тех пор, пока оно «совершенно неожиданно» не разлилось по всей газовой плите.

– Вот такая у меня реакция! – восхитилась я собственной ловкости. Плиту мыть не стала, оставила эту радость братцу. Собрала волю в кулак, глаза в кучку, тело в узел и пошкандыбала на работу.

От ВДНХ до Савеловской было даже ближе, чем от Юго-Западной, что порадовало бы меня в других обстоятельствах, но сегодня мозг отказывался выдавать даже простейшие

импульсы типа «подойди к выходу, дура, тебе сейчас выходить». Что уж там говорить про анализ времени пути.

Может быть, именно моим тяжелым нравственным и физическим состоянием объясняется то, что происходило дальше. Очень возможно. Скорее всего, будучи в нормальном состоянии, я никогда не согласилась бы на такое безумие. Хотя, при умелом обращении из меня всегда можно было вить любые веревки. Не человек, а ходячее макраме, честное слово. В общем, непонятно, что именно заставило меня согласиться. Но по порядку. Я доковыляла до офиса, дважды чуть не попав под мчащуюся по развязке Дмитровского шоссе и Сушевского вала машину. Вдохнув привычный аромат выхлопных газов, я нырнула в нашу проходную и поднялась на старом дребезжащем лифте на десятый этаж.

– Приветик, ты опоздала, – порадовалась за меня охрана.

– И вам того же, – угрюмо отмахнулась я. Наверняка эти гады уже отметили в журнале прихода мой промах, так что штраф в десять долларов мне обеспечен.

– Ты не заболела? – озабоченно осмотрела меня Римма. Таня Дронова тряхнула рыжими кудрями и подсунула мне чашку кофе.

– Спасибо тебе, добрый человек, – искренне порадовалась я. Хоть кто-то догадался выразить сочувствие не в абстрактных формах, а в виде дымящейся кружки Нескафе.

Потягивая горькую жидкость, я мямлила в трубку стандартные приветствия, переключала звонящих на сотрудников, сотрудников на других сотрудников, иногда забывая, кто кого хотел и переключая звонки наугад в надежде, что абонент больше не перезвонит. Это, кстати, была достаточно популярная у нас в офисе забава. Негласное распоряжение руководство именно на нас, секретарей центрального отдела возлагало обязанности по сдерживанию клиентов со скандальными намерениями. Допустим, у меня поступал вот такой звонок:

– Девушка, соедините меня с кем-то, кто сможет мне внятно объяснить, почему на стендах напротив главного супермаркета в Сыктывкаре написано «Молочница» вместо «Доярка». Мой бренд называется «Доярка».

– Одну секундочку, я уточню, – вежливо и ласково отвечаю я. На самом деле я не только понятия не имею про пиар в Сыктывкаре и про то, кто этим занимается, но и про то, у кого это можно уточнить, тем более за секундочку. Я жду пару минут, потом подключаюсь снова.

– Ну, уточнили? – кипящим от возмущения голосом переспрашивает клиент.

– Будьте добры, назовите ваши реквизиты, номер договора и суть проблемы, – еще более ласково переспрашиваю я. Клиент отвечает еще раз все по второму кругу.

– Я Вася Иванов, ООО «Маслобойни Калинина», договор номер 322223, на стендах напротив главного супермаркета в Сыктывкаре написано «Молочница» вместо «Доярка». Мой бренд называется «Доярка».

– И что вы хотите? – спрашиваю я.

– Разобраться!

– Одну минуточку, – снова отключаюсь и пару минут полирую ногти я. Затем переключая на любой внутренний номер. Что называется, на кого Бог пошлет. Если, например, сегодня пятое июня, я переключая на внутренний номер 0506. Минут десять клиент и неопределенный сотрудник из какого-нибудь филиала выясняют, что их неправильно соединили, и они ничем не могут друг другу помочь. Сотрудник впервые слышит и о Доярке, и о Молочнице и о «Маслобойнях Калинина». Он вообще занимается сбором статистики и общественного мнения. А клиент, растеряв большую часть своего негодования, частенько уже не перезванивает. Но если даже и перезванивает, половина его возмущения уже потеряна. Тогда перехожу к плану «Б» и принимаюсь сочувствовать.

– Да, вы правы. Возмутительно! – повторяю его слова я.

– Недопустимо! Просто непрофессионально! – кричит мне он, уже не пытаясь найти истинного виновного.

- Совершенно непрофессионально! – киваю я.
- Что же делать? – выпустив весь пар, спрашивает клиент.

– Пишите жалобу, – советую я. Таким простым и неумолимым способом решается уйма конфликтов. Думаю, именно в этом и состоит профессионализм секретаря большой корпорации. Ну и в умении печатать бессмысленные докладные записки, статистические отчеты по центральному отделу и играть в Солитер или Косынку.

Последние служебные обязанности я исполняла с особенным профессионализмом. Но в этот понедельник мозги не были способны разложить даже самый простейший пасьянс, что не укрылось от бдительного ока Риммы.

- Плохо? – кивнула на экран с зашедшим в тупик карточным раскладом она.
- Очень, – кивнула я и попыталась сидя уснуть. Это у меня еще могло получиться, однако, не просыпаясь, отвечать на звонки я пока еще не умела. Жаль.
- Страдаешь? – прояснила мою мотивацию она.
- А то! – я не стала спорить.
- Что думаешь делать?
- Может, отравлюсь, – поделилась идеей я.

После этого Римма принялась бить в колокол и объявлять экстренный совет по спасению утопающей. То есть меня. Я была против, но сил сопротивляться ее агрессивному натиску у меня все равно не было. Поэтому вместо сытного и вкусного обеда я была вынуждена сидеть в центре круга из любвеобильных коллег по работе и выслушивать их советы. Коллег набралось аж пять штук. Во-первых, Римма, составляющая программы по исследованию тех или иных явлений рынка, душою вела войну против мужского свинства и шовинизма. Далее Таня Дронова, менеджер, ведущий переговоры с клиентами, которые пока еще думают о нас только хорошее. У нее было нежное лицо, но вполне стервоподобный взгляд на любовь. Анечка, очень способный маркетолог, еще больше меня и Римки страдала от лишнего веса и поэтому ненавидела всех мужчин. Лиля, заместитель начальника отдела, к мужчинам относилась вполне положительно, была замужем, имела любовника, но присоединилась к Стратегическому Совету в силу должностных полномочий. Она не могла пропустить ни одного важного события внутри нашего отдела статистики и маркетинга. И, наконец, Саша Селиванова, совершенно посторонняя нашей компании карьеристка, метившая на должность Лили, присоединилась к нам в поисках компромата на конкурентку и из чистого любопытства.

– Ты хоть понимаешь, что эти козлы не стоят твоих страданий?! – призвала меня к ответу Римма.

Белые начинают и выигрывают, вяло подумала я и попыталась сдать сразу.

– Я понимаю. Я буду стараться выбросить их из головы.

– Не их, а именно этого твоего мормона! – уточнила Лиля, поскольку выбрасывать из головы всех мужиков она правильным не считала.

– Почему вы его мормоном называете? Это я просто так предположила, он этого вовсе и не утверждал! – уточнила я.

– Конечно – конечно, – кивнула Саша Селиванова. – Он просто развратный старый козел. Тебе лучше?

– Намного, – опустила голову я.

– Так, страдание и безделье – верный путь к гибели, – снова взяла инициативу в свои руки Римма. – Тебе нельзя оставаться одной.

– Мне что, к тебе подселиться? – ужаснулась я, представив, как много легче мне станет в Римкиной однушке, где пьет и матерится ее муж-автомеханик, а на кухне воеет под гитару пятнадцатилетний сынок.

– Только не к Римме. После ее дома тебе захочется остаться старой девой навсегда, – усмехнулась Таня Дронова.

– А в этом нет ничего страшного, – покраснела пухлая Анечка. Ей было за сорок, но выглядела она, наверное, за пятьдесят, потому что при росте в сто шестьдесят сантиметров весила под центнер. Это обстоятельство вкупе с комплексом неполноценности мешало ей наладить какие бы то ни было отношения с мужчинами. Оставалось одно. Делать вид, что одиночество – именно то, что ей нужно для счастья. Хотя я лично не видела человека столь легкого и покладистого, как Анечка. Ей бы родить пятерых малышей, нянчиться с ними, пока они не обеспечат ей табунчик внуков, и при этом кормить ароматными пирогами всех, кто завернет в ее гостеприимный дом.

– Ну конечно, ничего страшного. Это просто катастрофа! – фыркнула Римма, благополучно оставив в покое тему моего переезда.

– Мужчины не обращают внимания на неудачниц, готовых на все по первому требованию. Вот у меня нет никаких проблем с личной жизнью, – встряла громкая Селиванова, а я в очередной раз порадовалась, что она не является моей близкой подругой. По-моему, ее интересовало только собственное величие, а на чувства и проблемы окружающих было наплевать.

– У тебя их и быть не может, – брезгливо сморщила веснушчатый носик Таня. – Откуда у тебя сердце? Ты ради себя любимой по головам пойдешь.

– Ты просто завидуешь, – тоном уверенного в своей правоте удава отмахнулась Саша.

Повисла тяжелая пауза, в процессе которой каждая из присутствующих помянула Селиванову про себя недобрый матерным словом.

– Так, хорош сопли распускать. Надо составить план действий, – сказала Римма, посмотрев на часы. – А то обед кончится.

– Чтобы составить план действий, надо понять, какова цель! – вставила умница Аня. – У тебя какая цель? Ты замуж хочешь?

– Нет, – замахала головой я.

На самом деле у меня лично целей не было вообще. Когда-то я мечтала о настоящей любви, но после моего мормонистого ловеласа не очень в нее верила, а уж строить конкретные планы вообще было не в духе моего характера. Однажды я, правда, составила один план. Я была тогда повернута на кармическом законе бытия и всячески стремилась очистить от груза вековых грехов свою личную карму. Первым пунктом генеральной уборки кармы было «Простить всех обидчиков и попросить прощения у всех обиженных». Обидчиков я насчитала около трех. Матушку, Наташку намбер ту (за то, что ее братец вечно разносил обо мне сплетни, хотя, кстати, было бы логичнее заявить в обидчики его самого) и брата Ромку собственной персоной. А вот с обиженными было сложнее. Я точно знала, что всех не упомяну. Поэтому я подумала и решила просить прощение оптом, у всех сразу. Наверное, все-таки это было неправильно. Но с первым пунктом я кое-как разгреблась, а вот на втором пункте срезалась. Казалось бы, чего сложного. Всего-то и надо было, что заказать молебен за всех умерших родственников. Как сейчас помню, я пошла в храм неподалеку от Проспекта Вернадского, который знающие люди рекомендовали как «благодатный». Там я отстояла сумасшедшую очередь за свечками, потом под злобное ворчание старушек в очереди писала имена всех умерших родственников, которых могла вспомнить. Память в условиях внешнего противодействия начала подводить. А когда меня спросили, все ли умершие были крещеными, я окончательно растерялась. Часть умерших была мне знакома понаслышке, некоторые всю жизнь прожили при атеистическом Советском Союзе. Сказать точно, кто был крещен, а кто нет, я не могла. Меня обругали, посоветовали ограничиться свечкой около... не помню, какого-то квадратного стола. И сказали, что мне надо каяться в своих грехах, не переставая. И что даже это вряд ли мне поможет. Мне показалось, будто на меня набросилась стая черных ворон в облики пенсионерок с перекошенными от злости лицами. В общем, я поняла, что православный храм – это их территория, их прайд. Вернусь туда сразу после торжественного выхода на пенсию. А пока буду лучше

играть в буддистскую игру самопознания. Говорят, она тоже очищает карму, а кроме этого она весьма увлекательна.

– Аллю! Ты о чем думаешь? – пощелкала пальцами около моего лица Римма.

Я дернулась и вернулась к аудитории.

– Я? О том, что у меня нет никаких конкретных целей. Я вполне готова плыть по течению.

– Ага. Пока тебя не выловит из него твоя матушка и не займется твоей судьбой сама. Ты хочешь довести до этого? – намеренно напугала меня противная Римка. Я побледнела. О маме я пока вообще старалась не думать.

– Тогда надо все-таки взять ответственность за свою жизнь в свои руки, – сочувственно посмотрела на меня Таня Дронова.

Я растерялась.

– И что это значит? Мне надо что ли, на улице к мужикам приставать?

– Нет, конечно, – успокоили меня все. – Это они должны приставать к тебе.

– Интересно, с чего бы? Никогда не приставали, а теперь все как один с цепи сорвутся, – усомнилась я.

– Так раньше ты была кто? – ласково улыбнулась Римка.

– Кто? – отшатнулась от нее я.

– Тетеря. Тютя. Размазня.

– А теперь?

– Ты должна стать настоящей акулой. Стервой. Охотницей.

– Я? – от неожиданности я затрясла тем, что у птиц именуют гузкой.

– Именно.

– Я не смогу.

– Сможешь!

– Точно не смогу, – затрепыхалась, представляя, как охочусь на мужчин с гарпуном и гранатами, я. После этого Таня Дронова, от которой я уж никак не ожидала такой подлянки, использовала прием психологического давления, в простонародье именуемый методом трех «да».

– Ты согласна, что этот Мормон Петрович обошелся с тобой по-свински? – спросила она в первый раз.

– Да, – не нашла возражений я, потому что это именно так и было.

– Ты понимаешь, что мужчины в основном просто пользуются нами, используют нас по своему усмотрению? – спросила она во второй раз.

– Да, – снова безвольно кивнула я.

– Ты хочешь стать счастливой? – прикончила меня она.

– Да, – кивнула я и поняла, что дальше соглашусь на все, что они не предложат.

– Тебе выпала честь отомстить за весь женский род! Мы научим тебя, а ты сделаешь это. Сама, повинувшись только железной логике и разуму, отберешь для себя богатого и привлекательного козла и женишь его на себе. Согласна?

– Да, – на психологическом автоматизме выдохнула я и тут же пожалела.

– Чистая, холодная месть!

– Если не ты, то кто же?! – заваливали меня лозунгами дамы.

– Клянись, – зная мой ненадежный нрав, потребовала Римма.

Будучи в состоянии умственного затмения, я заразилась всеобщим негодованием и воодушевлением. Мое раненое сознание рисовало картины загородных дворцов, свиты поклонников, горы разбитых мужских сердец под моими ногами. Мысль о том, что я совершенно не желаю разбивать чьи-то сердца, вылетела в трубу, как призрачный дымок.

– Клянусь всем, что есть у меня дорогого (непонятно, чем, на самом деле), запечатать двери в свое сердце, отгородиться от любви ледяными стенами и в тишине и спокойствии

холодного разума отомстить за все обиды, причиненные мужчинами лично мне и всему женскому роду! – тараторила я вслед за Риммой, не вполне осознавая причин и последствий своих действий.

– А не крутовато? – усомнилась Лиля, но ажиотаж уже охватил присутствующих. Каждой из нас было что предъявить мужчинам, и всем показалось, что сегодня для них настал судный день.

– Нормально. Повторяй дальше! – замахала на Лилю рукой Римма.

– Обязуюсь не пожалеть труда и времени, чтобы занять место, достойное меня. Клянусь не довольствоваться малым, а взять все, что причитается мне по праву победителя.

– Это что именно? – не поняла Саша Селиванова, которой, по-моему, происходящее казалось полным бредом.

– Клянись. Выйду замуж только за обеспеченного мужчину с годовым доходом не меньше... – фантазировала Римма.

– Ста пятидесяти тысяч долларов США, – подсказала прагматичная Таня.

– Загородным домом, машиной, квартирой...

– Это нереально, – запнулась я.

– Реально, – нахмурилась Римма. Ее брак с автомехаником давал ей право желать для меня совершенно другой судьбы. Это надо было уважать.

– И еще! – вмешалась Лиля.

Мы повернулись к ней.

– Что?

– Пусть поклянется, что он не будет старше пятидесяти лет.

– Почему?

– Жить с импотентом, пусть даже и богатым, ужасно! – с неожиданной болью в голосе объяснилась она.

Мы затихли. Я машинально доклялась до конца, про себя подумав, что теперь точно не выйду замуж никогда, потому что под эти требования не подойдет никто. Коллеги плотно смотрели на меня, словно я уже была их законной добычей. И как меня угораздило наговорить все эти глупости? Хорошо, что жизнь с мамочкой научила меня легко относиться к нарушению данных клятв, подумала я.

– Пойду я, пожалуй, отсюда. Интересно, с чего вы решили, что такую, мягко сказать, глобальную задачу, может решить средней паршивости женщина за тридцать, без выдающихся способностей и, к тому же, совершенно лишенная силы воли? – Саша Селиванова недобро усмехнулась и встала со своего места.

– Мне еще нет и тридцати, – возмущилась я, хотя оставшиеся три месяца было трудно назвать длительной дистанцией.

– И что? Это что-то меняет? Скорее уж такой мужик женится на ком-то вроде меня, – Селиванова развернула корму в сторону отдела. Я взбесилась. Вот вам и все мужики – сволочи. А эта, не ко сну будет сказано, дрянь, что – карамелька?

– Стервозина. Кать, не обращай внимания, – бросилась ко мне Римма. Я улыбнулась.

– Рим, ты знаешь, я конечно и, правда, не очень-то подхожу на роль акулы брачной стихии, но думаю, что все же скорее женятся на мне, чем на этой... машине-убийце.

– Попробуем? – с задором в глазах спросила меня Таня Дронова.

Я посмотрела в ее чистые голубые глаза, обрамленные рыжими локонами.

– А может, ты?

– Я и так давно в строю, – усмехнулась она.

– Ну, тогда я с вами, – кивнула я и расслабилась. В конце концов, клин клином вышибают. Гори оно все синим пламенем, мне и вправду совершенно нечем занять свое время. То есть, есть чем. Я могу скитаться по подругам, могу пойти на очередной психологический тренинг,

могу часами скачивать анекдоты из Интернета, но это все брэнно. Надо, в самом деле, сделать в жизни хоть что-то достойное. Выйду замуж за миллионера. Хотя бы за сотнетысячеонера, хрен бы с ним. И как будет здорово увидеть лицо матушки, когда я приеду полоть ее грядки не одна, а с мужем-красавцем, сидящим за рулем какого-нибудь Лексуса хай-класса. Ради этого стоит немного попотеть.

Глава 3. Назвалась груздем – изволь соответствовать

Пословицу «молодо-зелено» в контексте совместного проживания с братцем я начала понимать в совершенно другом смысле. Образ его жизни приводил к устойчивому зеленоватому оттенку его лица, а поскольку, как ни крути, он действительно был вполне молод, формулировка «молодо-зелено» полностью соответствовала действительности. От чего мне не было легче. Жить в одном флаконе с молодым бесполезным существом, которое легко ориентируется в течениях музыки «хаус», но не ответит на вопрос «какое сегодня число и день недели», было сложно и неприятно. Иногда мне начинало казаться, что даже в вопросах месяца или года он ориентируется с трудом. Видя на деревьях зеленые листья, вдыхая раскаленный солнцем воздух, он делает предположение, что на дворе лето. Однако задачу «выбери из трех месяцев один правильный» может и не решить. Уходя утром на работу, я не знала достоверно, что меня может ждать дома вечером. Пару раз я натыкалась на голых девиц, шастающих по коридору в ванну и обратно. Само по себе это не было плохим, даже наоборот, могло свидетельствовать об относительной нормальности Ромки, однако их количество (от двух до пяти, как в яслях) и частая сменяемость наводили на грустные мысли. Грустные мысли были такими: во-первых, как я могу надеяться устроить личную жизнь, если даже мой собственный брат живет с таким непотребством. Во-вторых, не пора ли бить в колокола и звать на помощь маму. В-третьих, если позвать на помощь к Роме маму, как потом смотреть ему в глаза. И, наконец, в-четвертых, что делать мне самой, если тут появится мама. Вышеизложенное останавливало меня практически в полете, я оставляла все как есть. А уж с тех пор, как братец вычислил, что я скрываю от мамы разрыв с Олегом Петровичем, желание исполнить долг старшей сестры умерло короткой естественной смертью.

– Слушай, а ты вообще-то была его женой? – ехидно спросил братец, когда я пыталась призвать его к порядку, не курить и, тем более, не оставлять бычки на кухне. Я покраснела и что-то забубнила себе под нос.

– Зачем, теперь, собственно, это... И кому это нужно...

– Нет?! – ахнул от открывшихся перспектив он.

– Ну... почему нет. В известном смысле, да, – неумело врала я.

– А в смысле регистрации в ЗАГСЕ? – припер меня к стенке Роман. Да уж, тяжелый союз малопонимающих друг друга людей налицо.

– Не твое собачье дело! – фыркнула я и гордо вышла из кухни.

В тот же вечер мелкий гад спер у меня из сумки паспорт и выяснил всю страшную правду. Естественно, после этого мы стали чем-то вроде подельников преступления, организованной бандой, морочащей голову честным людям (маме). На ее вопросы о Роме я набирала в грудь побольше воздуха и выдавала:

– Ромочка очень много работает. Так устает, что я прямо не хочу его будить, пусть поспит. – А он, в свою очередь, на вопрос мамы, почему я опять толкусь на Галушкина, а не еду к мужу, говорил разные варианты следующего:

– Катюша очень за меня волнуется. Ездит мне еду готовить чуть ли не каждый день. Что бы я без нее делал. Может, и правда жениться?

– Какие же у меня чудесные детки, – вытирала слезы умиления мама, а мое сердце сжималось в отвращении к себе.

Слава богу, мамины звонки раздавались не чаще пары раз в месяц. Авось, к ее следующему приезду, который ожидался не раньше моего дня рождения в сентябре, что-нибудь уже изменится в позитивную сторону и я смогу предъявить маме подходящего мужа вместо Олега Петровича. Хотя бы кандидата.

– Чтобы предъявить кандидата маме, надо самой хотя бы теоретически понять, где ты его собираешься взять, – возразила на мою не слишком логическую конструкцию Таня Дронова. Со дня эпохального Стратегического Совета прошло около двух недель, за время которых ровным счетом ничего не произошло. Главным образом из-за того, что все ждали конструктивных действий от меня, а я как-то не понимала, с чего начать.

– Я его собираюсь взять... где-нибудь, – заверила я Таню. Таня помрачнела.

– Думается мне, что ты его заполучишь, когда рак на горе свистнет. Рим, ты-то хоть не молчи.

– Что тут сказать. От Катерины пользы никакой, один вред, – со вздохом согласилась она. Я запаниковала.

– А что я должна делать? Обещали меня научить, а сами только ругаетесь. Это нечестно. Не можете помочь, так хоть не требуйте ничего.

– Катя права, – согласилась замначальника Лиля. – Интересно, кого она может найти здесь, в нашем отделе? У нас одни только женщины.

– Виктор Олегович не в счет? – бросила пробный камень Таня.

Виктор – это наш непосредственный начальник отдела, однако на практике он только пару раз в неделю выползает из своего кабинета, чтобы громко и энергично (в смысле, криком) рассказать нам, до чего все мы тут глупы, бесполезны и невообразимо не соответствуем своим должностям и зарплатам. К тому же, он женат.

– Он женат, – озвучила я протест.

– Ерунда. Было бы желание, – легко отмахнулась Римма, хотя лично мне кольцо на пальце не казалось такой уж легкой преградой.

– Ему больше пятидесяти и у него нет загородного дома, – отрезала Лиля.

– А дачка в Шатуре? – попыталась было встрять Анечка, но тут же умолкла, осознав, сколь мало шатурский сарай имеет право именоваться загородным домом.

– Не пойдет, – подвела итог Таня Дронова.

Я с облегчением вздохнула, но не тут-то было. Дамы вошли в раж. Если уж они решили устроить мое женское счастье, так просто не отступятся.

– Бери выше. Дирекция? – обозначила задачу Лиля.

– Юрий Михалыч, Борис, Николай не помню как отчество...

– Николаев в совете директоров два, – поправила Таню Лиля. – Все женаты, как один.

– Я уже сказала, это решаемо, – насупилась Римма. – Кто нам подходит?

– Ну, в принципе, Борис подходит. У него коттедж где-то под Пушкиным. И вполне еще молод. Лет сорок девять.

– Молод? – ахнула я. – Это, по-моему, последний критический рубеж.

– И что плохого? Помрет – будешь свободной молодой богатой вдовой, – утешила меня Лиля.

Я посмотрела на нее со страхом. Интересно, она сейчас что, озвучила свою мечту?

– Борис не проканает, – усмехнулась из-за перегородки в переговорную Селиванова. – Он пьет, как сапожник и играет в казино.

– Точно? – усомнилась Римма.

– Как в тире снайпер, – кивнула Лиля. – Я тоже слышала. Он, вроде, в прошлом году Мерседес проиграл по-пьяни.

– Козел, – фыркнула я.

– Н-да, за такого замуж выходить – проблем не оберешься, – загрустила Римма.

– А если Николая? – предложила Лиля.

– Которого? – оживилась Таня Дронова.

– Который шоу возглавляет, – пояснила Лиля свою мысль.

Я воскресила в памяти мысленный образ чернявого дерганого мужика, организующего всякие световые шоу на городских праздниках и поморщилась.

– Он очень страшный, – взмолилась я.

Все посмотрели на меня как на умалишенную. Потом переглянулись между собой.

– Эдак она нам все дело испортит, – произнесла трагическим голосом Римма.

– Всенепременно испортит, – гавкнула из-за перегородки Селиванова.

– Внешность в твоей задаче стоит на последнем месте. Чем страшнее богатый мужик, тем проще с ним справиться, – стала делиться опытом Таня Дронова.

– Но ведь с ним спать придется! – уперлась я.

– А вот и нет, – улыбнулась Танюша. Римма одобрительно кивала. – Чтобы мужика на себе женить, как раз не спать с ним нужно, а обещать и дразнить. Слушайте, да она ничего вообще не рубит!

– Темнотища!

– Средние века, первый период феодализма! – поддержали все.

Я затравленно оглянулась. Неужели я и в самом деле должна переводить все на доллары? И зачем мне нужно такое замужество?

– Придется всему учить, – вздохнула Таня Дронова. Я заинтересовалась, чему именно она хочет меня научить? Спать с уродами? Не спать с уродами? – Выпускать ее в люди такую нельзя, это факт. Надо сесть и составить список мероприятий.

– Декларацию независимости, – невпопад ляпнула Анечка, но всем понравилось. Взяли лист бумаги, красивым Анечкиным почерком обозвали и принялись туда вписывать невообразимое количество пунктов.

– Вы что, хотите, чтобы я все это сделала? Вы в своем уме? – разоралась я.

– А что? Не так и много. Или ты хочешь всю жизнь прожить с Ромочкой? – ехидно улыбнулась Римка.

– Кобра ты, а не подруга, – демонстративно плюнула в ее сторону я, но на бумажку стала смотреть внимательнее. Первым пунктом в ней шла правильная мотивация. «Представить и во всех деталях рассмотреть образ будущего мужа», гласил он.

– Это мне не сложно. Высокий, стройный блондин с чувственными губами, – порадовалась я.

– Скорее низенький лысый толстячок с чувственным кошельком, – хохотнула Селиванова. Я поперхнулась и оглянулась на девушек. Девушки кивали.

– Тебе придется каждое утро представлять себе свою мечту. И не обертку, а именно содержание. Сколько у него денег, какой у него должен быть транспорт и т.п.

– Что далее? – нехотя кивнула я. Далее шел весьма неприятный пункт про мое «внешнее и внутреннее соответствие». Оно состояло из следующих коротеньких, но убийственных положений:

– Ты должна похудеть.

– Ты должна прилично одеваться. И не просто прилично, а даже именно неприлично, чтобы у мужчины твоей мечты при виде тебя дух перехватывало.

– Ты должна вести себя как уверенная в себе светская женщина (это как?)

– Перестать тратить время на сериалы (жестоко, бесчеловечно)

– Научиться владеть собой, контролировать эмоции

– Не пить!!!

– А я разве пью? – возмутилась я.

– Как лошадь, – с жалостью посмотрела на меня Таня. Я попыталась не вспоминать про мои ежевечерние бокалы красного вина «для здоровья и хорошего сна» и мне это вполне удалось.

– Я не согласна. И сериалы я совсем немного смотрю.

- Кто последний видел Хосе Антонио живым? – с ходу налетела на меня Анечка.
- Падре Рикардо, – не успев еще ничего сообразить, ляпнула я.
- Таня демонстративно развела руки в стороны.
- Что и требовалось доказать! Это же стало известно только во вчерашней серии.
- Но ведь вы-то тоже смотрите? – чуть не заплакала я.
- Мы замуж не хотим. Или нет, мы хотим, но нас мормон не бросал, – отбила атаку Таня.
- Я замуж не хочу, – надулась Анечка. Я вздохнула и спросила, с чего именно мне начать свое превращение в настоящую леди «белая кость – голубая кровь». Дамы оживились.
- Ты посмотри, как ты одета! Это же полная асексуальность и неряшество. Позор! – бичевала меня Римма. Я хотела возразить, что ее вечные юбки «на два кулака ниже колена» тоже не слишком сексуальны, но не успела.
- Вот что делает женщину женщиной?
- Походка? – вспомнила я подходящий случаю фильм «Служебный роман». Если я все правильно поняла, именно он мне и светит.
- И это тоже. Кстати, походка должна чуть приоткрывать завесу тайны, а у тебя это просто бег табуна на водопой.
- А какая у меня тайна? – поинтересовалась я.
- Любая. Надо придумать. Будешь в обед отрабатывать походку. И чтоб с завтрашнего дня ходила на шпильках и с миниатюрной сумочкой-косметичкой, а не с этим комплектом туриста, – ткнула в мою вместительную и удобную холщевую сумку Таня Дронова.
- У меня тогда ничего не поместится, – пискнула я.
- А что именно ты помещаешь в эту авоську? – азартно лязгнула челюстями Селиванова, которой прилюдное избиение младенцев понравилось настолько, что она выползла из своего змеиного гнезда и присоединилась.
- Важные и нужные вещи, – вцепилась в сумку я, но Саша Селиванова была сильнее. Сумка вылетела из моих рук пробкой от взболтанного шампанского, а ее содержимое было немилосердно вытряхнуто на стол.
- Н-да, дела, – понеслись по комнате вздохи.
- Интересно, зачем тебе все эти бумаги? И вообще, что это? «купить: мыло, прокладки, средство против соли на обуви, капусту...». Это что, ты это еще зимой писала?
- Я не буду отвечать на вопросы без адвоката, – отвернулась я.
- Так, рассыпанные спички – наверняка дико важная вещь, только обо что ты их чиркать собираешься? А этот журнал устарел еще пару месяцев назад. Потом, зачем тебе такой толстый ежедневник, если у тебя нет никаких дел.
- Интересно, а почему в этом чемодане нет косметики? – удивилась Таня Дронова. Я уже почти рыдала. Какие сволочи, в самом деле.
- Достаточно. Походке учиться я еще готова, но в моем белье ковыряться не позволю, – выкрикнула я.
- Ты что, в этой сумке еще и белье носишь? – ахнула Римма.
- Я сгребла все со стола в сумку и убежала в туалет плакать. Ну и черт с ними, с красными глазами. Я не прямо сегодня собираюсь совратить миллионера моей мечты, а тот факт, что с общепризнанной точки зрения я являюсь страшеньким, толстым существом, бесполезно разбазаривающим свои лучшие годы, надо было хорошенько оплакать. Я всегда была уверена, что я просто миленькая симпатичная девушка с чуточкой лишнего веса, так как не считала, что вес в семьдесят килограмм при росте в сто шестьдесят восемь является патологическим. Оказывается, мне уже практически пора на полную переборку двигателя и прочих запчастей. В общем, я уставилась в зеркало и принялась изучать свое отражение.
- Ничего утешительного я там не нашла. Бледное, лишенное загара усталое лицо с курносим носиком, вполне себе обычные пепельные волосы, которые только с большой натяжкой

могли принадлежать блондинке, заплаканные и лишенные признаков косметики зеленые глаза. При умелой эксплуатации все это можно было довести до вполне приличных показателей, но при отсутствии ухода смотрелось простенько и обычно. Тело было одето в несколько полинявшую, но в свое время очень даже дорогую блузку. Я как-то до сих пор считала, что она очень мне идет. И, конечно, джинсы. В приличных фирмах, где секретарь является лицом (или еще какой-нибудь привлекательной частью тела) фирмы, ходить в джинсах не позволено, но у нас креативный подход и демократия. Поэтому секретари отделов ходят в чем Бог на душу положит. Мои джинсы являли собой компромисс стоимости и долговечности. Хит всех времен и народов, в них я смогу привлечь внимание разве что шофера дальнотойщика. Именно в таких джинсах сельских девчонок заваливают на сеновал после клубной дискотеки. Может, я и утрирую, но в таком виде я точно не стану лакомым кусочком для олигарха. Надо что-то делать. «Хоть походку надо сразу исправить», решила я. «Нельзя терять время, а то можно превратиться в старушку из детской сказки», подумала я, и поэтому немедленно отправилась в один затерянный коридор, где никто никогда не ходил, так как ходить через него было некуда.

– Лучше поздно, чем никогда, – твердила я про себя, пытаюсь добиться от своего дефиле хоть чуточку романтичности, женственности и загадки. Оказалось, что я сто лет не передвигалась на своих вполне ординарных конечностях сексуально. Бедра не колыхались, а дергались из стороны в сторону. Тайну я пыталась подбавить через плавные, задумчивые движения кисти руки. Мол, я тут иду, вся такая нежная и к поцелуям зовущая, а мысли мои далеко. Я мысленно где-то там, куда вам никогда не попасть. Однако отражение в зеркале сбоку показывало что-то надуманное и вульгарное. Может быть, у Ренаты Литвиновой и получается вполне качественный продукт из вычурных вихляний, а у меня, по-моему, не очень. Попробую закатить глаза.

– Я даже не знаю, почему я сегодня в таком настроении, – попыталась чувственно произнести я, одновременно хлопая ресницами.

– Ерунда какая-то, – тут же расстроилась, что мой голос звучит без Литвиновского придыхания, как у макаки, передразнивающей посетителей. Еще я опробовала отстраненную, загадочную походку, но на мой взгляд вместо женщины-загадки у меня все время выходила женщина-идиотка, а отстраненность и погруженность в свой внутренний мир делала меня похожей на параноика.

– У вас репетиция нового спектакля? – услышала я голос за спиной. – Я бы тоже не отказался от роли.

– Вы кто? – обернулась и от неожиданности больно ударила плечом об угол я.

– Я? Илья. Просто вот запутался и, кажется, не туда пришел. Хотя, может быть и туда, – смеялся незнакомец Илья, заинтересованно оглядывая меня с ног до головы. Интересно, давно он тут наблюдал за моими муками творчества? А ведь специально выбрала совершенно непроходной, тупиковый коридор. Чтоб ему пропасть!

– Не туда – не туда. Можете разворачивать корму, – огрызнулась я, но вдруг подумала, что не имею права отпустить живого незнакомого мужчину просто так. Вдруг это нечаянно забредший по нити судьбы олигарх? Правда, на олигарха он не тянул. Среднего роста мужчина лет за тридцать в чистеньком, но совершенно простом сером костюмчике и голубой рубашечке в бледную клетку. Волосы темно-пепельные, клочками, на носу очки, губы тонковатые, не волевые, подбородок небрит и с ямочкой посередине. Глаза непонятно какие, прищуренные и, вот сволочь, насмешливые.

– Корму? А чем вы только что тут занимались? Готовитесь в кружок «бальные танцы»?

– У меня скоро прием у английской королевы, вот и тренируюсь, – буркнула я.

Илья расхохотался каким-то заразительным звонким смехом. Я не выдержала и прыснула тоже.

– Вы работаете в «Премьер-Медиа»? – спросил он.

– Да, а вы?

– Я тоже. В новом филиале, в программах по развитию корпоративных брендов. А вас как зовут?

– Екатерина Великая. Вы рекламщик? – загрустила я.

– Что-то вроде того, – кивнул он. – Это вас как-то огорчает?

– А что? – не поняла я.

– У вас грустное выражение лица, а пять минут назад вы так весело скакали по коридору, – поддразнил меня он.

– Я грущу, потому что мне срочно надо выйти замуж за олигарха. Или за кого-то в этом духе. А вы – рекламщик. Чего же мне веселиться? – ляпнула я и практически сразу начала жалеть об этом. Вот вам и женщина – тайна, не могу удержать язык за зубами и пять минут.

– А зачем так срочно выходить замуж? – засмеялся Илья.

– Меня тут один мормон бросил, ну и общественность требует возмездия, – улыбнулась я в ответ.

– Я тут, собственно, искал столовую. Может быть, вы мне покажете, как ее найти, а я вас за это угощу обедом? Я много чего знаю и про олигархов, и про мужчин в целом. Могу быть полезен, – имитируя серьезность, подал мне руку этот нелепый маменькин сынок в сером костюме «сыночек, я повесила глаженую рубашку на стульчик». Но его посредственность и стандартность была для меня как глоток чистого воздуха. После эксклюзивных призывов коллег мне дико захотелось просто потрепаться с ничего не выражающим из себя мужиком, поэтому я выбросила из головы все заветы подруг и кивнула. Мы пошли обедать. Я в очередной раз поняла, что акула из меня никакая, раз я не умею одним колючим ядовитым взглядом отшить неподходящего мужчину, чтобы он больше никогда не мелькнул на моем горизонте. Наоборот, я иду с ним обедать и треплюсь о своих матримониальных планах, словно бы он – представитель брачной конторы.

Кстати, его советы и вправду отличались нестандартностью и чисто мужской логикой. Через пять минут стояния в очереди за супом и котлетами мы с Ильей были уже на ты и активно обсуждали мою тактику и стратегию.

– Почему ты думаешь, что мужчины хотят видеть недоступную, погруженную в себя загадку? – ерничал он. – У нас что, других проблем мало?

– У вас, простых смертных, может и много, а у богачей доступные простенькие девушки вызывают аллергию. Они у них уже оскомину набили.

– Да? – почесал за ухом Илья. – И многим олигархам ты оскомину набила?

– Сейчас я тебе нос набью, – обиделась я, но про себя поразились, что треплюсь с ним, как со старым знакомцем. Чудеса!

– Seriously, с чего ты все это решила?

– Римка сказала, – честно призналась я. – Я олигархов в глаза не видела.

– Понятно. А, кстати, почему вы вообще пытаетесь окрутить российских олигархов, большинство из которых произошло от бандитов и убийц.

– А кого надо?

– Иностранцев обывателей, средний и высокий класс. Они с радостью женятся на хороших русских женщинах, а их уровень жизни для нас кажется вполне королевским. Ты ведь к этому стремишься? Жить в роскоши? – уточнил Илья.

Я задумалась. К чему я действительно стремлюсь? Роскошь? На самом деле я не чувствовала особой алчности никогда. Я просто хочу, чтобы в моей жизни что-то начало происходить. Какая-то особенно роскошная роскошь меня даже пугает. Я побежала к Римме, чтобы сказать ей об этом.

– Кто тебе навешал всей этой лапши на уши?

– Один новенький рекламщик из брендового отдела, – промямлила я.

– Рекламщик? Это не наш формат. Зачем ты тратишь время на всякую ерунду? – разозлилась Римма.

– Да не тратила я ничего, – раздосадовано огрызнулась я. – Просто случайно познакомились и поболтали.

– А что за рекламщик? – высунула любопытный нос из-за перегородки Селиванова. – Как выглядит?

– Серый костюм, голубая рубашка. Небритый, прикольный. На носу симпатичные очки. Редко людям идут очки, но ему идут, – описала его я.

– А зовут?

– Илья, – отмахнулась от Селивановой я.

Она напряглась и с раздражением посмотрела на меня, потом щелкнула пальцами и цокнула языком.

– Я знаю его. Илья Полянский, новый бренд-менеджер с седьмого этажа. Ничего особенного, обычный клерк, к тому же из Краснодара. Ну и вкус у тебя. С такими плебейскими амбициями тебе и правда нужен кто-то попроще.

– Причем тут мой вкус. И вообще, если бы я с ним пыталась кокетничать, стал бы он мне советовать выйти замуж за рубеж, – ляпнула я сдуру.

Все как по команде замолчали и переглянулись. Было видно, что им, конечно, хочется расстрелять меня за то, что я шляюсь по столовым неизвестно с кем, но мысль про «замуж за рубеж» перекрыла все их недовольство. Мое недостойное поведение было отброшено на помойку, а идея выдать меня в иностранные руки получила самый широкий общественный резонанс. Стали думать, отчего это такая простая и гениальная мысль не пришла нам самим в головы. Ответа на вопрос не нашли. Зато нашли сайты, где можно было дать брачное объявление для заграничных женихов.

– Может, не надо так быстро, – испугалась я, глядя, как Таня Дронова прищипливает к файлу мою фотографию и пишет по-английски биографию. Судя по ней, я стала не только красивее, милее, добрее и умнее, но и выше как минимум сантиметров на пять. И мой вес как-то сам собой слетел с шестидесяти восьми до пятидесяти девяти.

– Это нереально! – забилась в конвульсиях я.

– Не думаю, что тебя сразу по прилете в цитадель цивилизации будут взвешивать и обмерять, – утешила меня она. – Сбросишь килограмм пять и сойдешь за модель.

– Не сойду! Они по пятьдесят кило весят! Помилуйте, может не надо?

– Надо, Федя, надо. Тебе этого рекламщика сам Бог послал. Устами младенца глаголет истина.

– Он – младенец сильно за тридцать. И я не знаю английского.

– Так чего ты тут сидишь? – возмутилась Римма. – Или и учи. Быстро запишись на курсы.

– Я люблю Родину, – с пафосом высказалась я.

– И прекрасно. На расстоянии ваши взаимные чувства только усилятся, – подвела итог Таня Дронова и нажала кнопку, пересылающую мое брачное резюме в просторы Интернета, а меня пинком прямо в мое светлое будущее. Иногда маленький шагок для человека означает огромный шаг для человечества, и это верно не только для космонавтов, шагающих по Луне. Одно нажатие кнопки компьютера, а такое количество проблем, что уму непостижимо.

Глава 4. Которую я провела в попытках сойти на «нет»

Следующие несколько недель прошли для меня как во сне. В страшном сне. Я не верила, что это происходит со мной. Все началось в тот самый день, когда моя, мягко говоря, преувеличенная биография разлетелась и размножилась по разбросанным в разных точках галактики серверам. Классные дамы моего офиса всерьез решили, что задача «выдать Катерину Баркову за иностранца» вполне решаема. Если что и мешает счастью, так это моя же собственная внешность.

– Ты посмотри на себя, это же позор! – горячилась Римма, хотя на мой взгляд и сама не могла считаться эталоном женской привлекательности.

– А что со мной еще такое? В чем проблема? – не понимала я.

– Ты же толстая, как беременный бегемот! Это мы уже обсудили, но надо же что-то делать. Ты ходишь в столовую чаще, чем поднимаешь трубку телефона на рабочем месте, – без излишней корректности прояснила проблему похожая на циклеванную доску Селиванова.

– Я?! – задохнулась от возмущения я.

К сожалению, мое возмущение не было никем поддержано.

– И в самом деле. Килограмм пять – семь сбросить надо, кровь из носу. А то сейчас ты даже с виду очевидно не пятьдесят девять. Врать больше чем на пять кило опасно, – смущенно кивнула Таня Дронова.

Анечка покрылась красными и бурыми пятнами, втянула в себя живот, и забилась всем своим центнером в глубину рабочего места. Если уж мне надо худеть «кровь из носу», то ей, по-видимому, просто пора застрелиться.

– Я ненавижу диеты, – начала испуганно пятиться к выходу я.

Итак, многое в моих трудовых буднях сильно изменилось к худшему. Если раньше процесс сбора на работу занимал минут десять-пятнадцать, да и те я пила кофе, сонно разглядывая пейзаж за окном, то теперь я по сорок минут торчала в ванной, пытаюсь слепить из себя подобие Мерилин Монро. Результаты оставляли желать, а настроение портилось. Хотя подружки вполне оценили мои порывы.

– Вот молодец, покрасилась! – хвалили меня все вокруг. – Такими темпами мы через полгода на свадьбе будем плясать.

– Ага, интересно, как вы все попадете на мою заграничную свадьбу? – ерничала я, хотя даже самой себе не признавалась, что крашусь и пытаюсь комбинировать мои слабо сочетаемые тряпки главным образом из-за того, что не хочу попасться на глаза Илье в каком-то еще нелепом виде. Я про себя решила, что достаточно и одного раза, но если бы об этом догадался кто-то из моего отдела, меня бы сожрали на месте, как стая аллигаторов крошку-овечку. Я не делала очевидных попыток встретиться с ним, а только чуть чаще стала заглядывать в столовую, думая, что никто ни о чем не подозревает. К сожалению, включая Илью. Получается, что все-таки мои метания в столовую были замечены, но истолкованы неправильно.

– С таким количеством бизнес-ланчей ты через месяц переплюнешь Аньку, – жестоко, как обычно, констатировала Селиванова. Всех передернуло, хотя, слава Богу, самой Анечки в тот момент не было на месте, так что дело обошлось без непоправимой душевной раны. Однако сами по себе слова Селивановой были приняты к сведению. Решено было, что с завтрашнего дня я буду истощать организм разгрузочными днями.

– Это что за хрень? – поинтересовалась я, поскольку до сего дня никакие диеты не нарушали моего спокойного безмятежного сна.

– Это значит, что завтра ты с утра вылакаешь чашку кофе без молока и пошлепаешь на работу. И кофе будет самым сытным блюдом твоего дня, – проинструктировала меня Лиля, которая справедливо считалась асом по похудению. К ее сорока пяти она прекрасно выглядела.

У нее был любовник, молодой, довольно бесполезный программист, который появлялся в ее телефонной трубке не реже трех раз в неделю. Рядом с ней он выглядел бледным сморчком. Да, Лиля умела следить за собой, что тут скажешь. Может, она действительно ждала счастливой поры, когда ее супруг, обеспеченный стареющий «папик» из тех, кого так старательно подбирали мне, прикажет долго жить и предоставит ей возможность насладиться статусом свободной богатой вдовы.

– А бутербродик? – заискивающе заглянула я ей в глаза.

– Разгрузочный день – это такой день, в который твой желудок будет отдыхать от нагрузки, которую ты не снимала с него долгие тридцать лет.

– Двадцать девять, – обиделась я.

– Ну и что, – обиделась Лиля.

Я подумала, что совершенно непонятно, зачем в эти самые разгрузочные дни ходить в столовую. Этот момент вызвал во мне громкое противодействие.

– Интересно, а что я смогу взять в столовой, чтобы желудок не перенапрягся? – громко поинтересовалась у тишины я. Лиля переглянулась с Таней Дроновой и тяжело вздохнула.

– Именно что в столовой тебе вообще нечего делать. Только провоцировать организм. В разгрузочный день можно только пить безалкогольные негазированные напитки.

– Взяла бутылочку «Святого источника» и наслаждаешься весь день, – добила меня Римма.

– Понятно, – теперь уже тяжело вздохнула я.

Однако если мне и вправду придется встретиться с кем-то из счастливых получателей моих «писем счастья», неплохо будет и правда немного больше соответствовать заявленным там параметрам. На следующий день, кротко влив в себя чашку кофе, я в совершенно отвратительном настроении поплелась на работу. Мне было грустно и плохо, но окружающим, наоборот, было вполне хорошо. Что интересно, моя разгрузка настолько увлекла окружающих, что практически весь день занимала первые строчки наших девичьих хит-парадов.

– Ну как, что чувствуешь? – заботливо спрашивала Римма, глядя на меня, как на язычника, впервые идущего к причастию.

– Ничего. Только есть хочется, – делилась я, лакая безвкусную водичку.

– Это ничего, – утешала меня она. – Разгрузка – это только начало.

– Да что ты, а дальше что? Загрузка? – усмехнулась я.

– Тебе нужен план. Важно не только сбросить лишние кило, но и привести организм в тонус.

– Чего-чего, а тонуса мне сейчас и правда не хватает, – согласилась я. – Правда, я почему-то думаю, что мне его придала бы тарелка супа, но об этом ни слова.

– Глупая. Тонус появляется исключительно с помощью правильных физических нагрузок. Слово «фитнес» тебе что-нибудь говорит? – с жалостью взглянула на меня Танюша Дронова. Я попыталась остановить приступ паники.

– Мне что, теперь придется по три часа в день качать мышцы на тренажерах?

– Почему по три? Не надо, – утешила меня Лиля.

– Слава Богу, а то я подумала, что пора вешаться, – улыбнулась я.

– Сорок минут на бассейн, а перед этим час на тренажерах. Всего час. Необязательно сразу работать над всеми группами мышц. Можно так: в понедельник пресс, во вторник плечевой пояс, в среду бедра...

– А в пятницу похороны, – кивнула в такт ее голосу я. Всю жизнь я избегала полезных физкультурных процедур как чумы. Даже на школьных эзекуциях я умудрялась недобрать показатели и нормативы чуть ли не вдвое. «Так плохо прыгать в длину – уже рекорд», любил говорить про меня старый подтянутый физрук, которого за его лысину называли «череп». Простенько и со вкусом.

– А ты думала, что это легко – быть настоящей женщиной? – приперла меня к стенке Римка. Я вспомнила весь свой опыт общения с матушкой и пообещала всем, что с завтрашнего дня буду совершать чудеса спортивного развития.

Пообещать – не значит жениться. Все заулыбались и отпустили меня с миром домой. Там, в тишине и одиночестве я честно бегала из угла в угол, чтобы не нажраться всякой дрянью и не нарушить священный покой моего отдыхающего желудка. Летнее солнышко осветило багрянцем крыши заляпанных смогом домов и село за горизонт. На город спустилась ночь. Оказалось, что спать на голодный желудок практически невозможно. Я подпирала стену и пыталась сконцентрироваться на перипетиях Анжелики и короля.

– Ты че, не спишь? – заглянул ко мне в комнату бледно-зеленый призрак родного брата.

– Я голодаю. Это очень полезно, и потом, я скоро похудею и стану как Синди Кроуфорд, – попыталась излить душу родному человеку я.

– Ну-ну. А я тут красной икры принес. Угостили. Пойду тогда ее всю съем, – зарезал меня без ножа он.

В течение следующих пятнадцати минут я старательно вчитывалась в гордые и полные отваги вопли Анжелики, которая не хотела спать с коронованным красавцем, храня верность непонятно где болтающемуся инвалиду Рескатору, но мой мозг буравили звяканья посуды на кухне.

– И что ты тут ешь, скотина? – не выдержала и приперлась к брату я, бросив Анжелику на произвол судьбы.

– Я еще ничего не съел. Вот, только приготовил. Сейчас будет чай, – широким жестом показал на скатерть самобранку Ромочка. Там краснели от возбуждения бутербродики. Я сглотнула слюну.

– Мне нельзя. Я на разгрузке.

– Что же делать? А хочется? – задумался братец.

– Очень, – чуть не расплакалась я.

– Послушай, ты же уже весь день разгружалась? – озарилось внезапным светом его лицо.

– И? – подозрительно посмотрела на него я.

– И то, что сейчас уже без пяти двенадцать. Подожди пять минут и ешь на здоровье, – порадовал меня он.

Я бы, конечно, должна была понять, что есть по ночам по определению запрещено кандидаткам в жены миллионеров, но я малодушно проигнорировала все правильные мысли и напряженно проводила стрелки часов в новый день. Уверив себя, что разгрузочный день честно закончился с боем курантов, я села за стол.

– Приятного аппетита, – вежливо пожелал мне братишка и мы с чувством, толком и расстановкой провели ближайший час. Сон сытого человека окупил все мои муки, совесть не мучила меня, взывая ко мне через сновидения. Спала я прекрасно, просто прекрасно.

Утром совесть подняла меня на полчаса раньше срока, который был необходим даже с учетом шпаклевки и разглаживания смятых брюк.

– Чего ты хочешь? – спросила я у нее.

– Икры, – ответила она. – А все остальное тебе выскажут на работе.

– Ясненько, – кивнула я.

Совесть не ошиблась. Глядя на мое лоснящееся от удовольствия лицо, Лиля первая заподозрила неладное.

– Ела?

– Когда? – сделала вид, что не понимаю ее, я.

– Вчера!

– Нет, – сказала чистую правду я. Правда, я не стала уточнять, что ела я сегодня. А она про сегодня и не спрашивала.

– Ни крошки?

– Вчера – нет, – кивнула я.

Лиля пару минут помолчала и отошла, но Римма, видимо, не раз уже сама влетающая в подобные передряги, поймала меня с поличным.

– А ночью? – не давая мне отвести взгляда, прошипела она. Я растерялась и замямлила что-то невразумительное.

– Все ясно, – подвела итог Татьяна Дронова. А ведь я ее когда-то считала милой душевной девушкой.

– И ничего страшного! С кем не бывает? – лебезила я.

– Мы надеялись, что обойдемся малой кровью, но тебе нужно все по полной программе. Итак, с завтрашнего дня садись на режим. С утра встаешь пораньше и бегаешь, – нанесла удар Таня. «Ненавижу», подумалось мне.

– А не проконтролируете, – огрызнулась я.

– Бег, конечно, не проконтролируем, но ты будешь каждый день фотографироваться на телефоне. И не дай Бог время или дата не совпадут.

– Звери, – прокричала я. – Лучше мне никогда не видеть мужа.

– Малодушно! Но ничего. Хорошо, что мы рядом, – поддержали меня со всех сторон. Одна только Селиванова хищно улыбалась за перегородкой. В конечном итоге, было решено составить мне индивидуальную программу по превращению меня из обезьяны в человека. Или наоборот, потому что это как посмотреть. Поскольку денег на фитнес-клуб у меня все равно не было, бег по утрам решили совместить с обливанием ледяной водой.

– Я простужусь! – трепыхалась я.

– Закаливание еще никому не вредило, – неожиданно возразила Анечка. Я посмотрела ей в глаза и поняла, что водные процедуры были ей близки и знакомы.

– Но это же ужасно больно – вылить на себя ведро ледяной воды! – пыталась призвать их к разумности я.

– Вовсе нет. Выброс адреналина, энергия и хорошее самочувствие на целый день. Моржи в среднем живут дольше обычных людей на десять-пятнадцать процентов, – забубнила шаблонными лозунгами Анечка.

Я поняла, что сопротивление бесполезно. И потом, кто измерял, когда бы помер этот самый морж, если бы избегал нырять в ледяную муть проруби? Будь я немного сильнее и самостоятельнее, я бы их всех послала бы к чертовой бабушке, но воспитание матушки приучило меня безоговорочно подчиняться любой команде, произнесенной строгим, уверенным и громким голосом. Я пообещала обливаться.

– Ты сфотографируешься в купальнике и обмеряешься сантиметром, – продолжила пытку Лиля.

– Это еще зачем? – заподозрила подвох я.

– Чтобы была видна динамика! – отрезала она. – Хотя нет. Лучше я тебя сама обмеряю, а то ты сразу смухлюешь.

– Я честный человек, – возмутилась я.

– Знаем – знаем, – зашумели все.

Я пригорюнилась и пошла домой.

Поскольку следующее утро несло мне страсти бега и ледяной профилактики здоровья, весь вечер я лопала печенья и конфеты. Любые порывы раскаяния я душила в зародыше, не желая ничего слышать. В итоге наутро я смогла добежать только до входа во Всесоюзную Выставку Достижений Народного Хозяйства. Как ни старалась я отдышаться, отсидеться и унять сердцебиение и боль в левом (и правом, и вообще везде) боку, домой я плелась пешком и безо всякой надежды обрести обещанные силы и заряд энергии. Хотелось лечь и умереть.

– Не пойду на работу. Мне вредно так перенапрягаться. Проще подыскать другое место. Секретари всем нужны! – ворчала себе под нос я.

– Ты облилась водой? – спросил меня Рома, сонно потирая ступней волосатую ногу.

– И ты, Брут! – в сердцах воскликнула я.

– Мне позвонила Римма и сказала, что я должен у тебя это спросить. А я, между прочим, спать хочу! – застонал брат. – Сама подходи к этому долбаному телефону.

– Выкинь его в мусоропровод, – заплакала я, плетясь на негнущихся ногах в ванну. Там я набрала в ведро воду и, трясясь от холода, разоблачилась. Ведро ледяной воды, которое я опрокинула на себя, даже не подозревая, что меня ждет, произвело эффект, сравнимый с Хиросимой и Нагасаки, вместе взятых. Несколько секунд мне казалось, что я уже никогда не смогу вдохнуть в себя воздух. Потом каждая клеточка моего истерзанного бегом тела отозвалась микровзрывом. По-рыбьи хлопая ртом, я выскочила из ванной и забралась под одеяло. Минут через пятнадцать я согрелась и почти в истоме начала засыпать, однако таймер тикал. Пора было на трудовую вахту. Я встала и поплелась на работу, думая, что в таком темпе я дойду до предела очень-очень быстро. Дня за три, не больше.

– Облилась? – с пристрастием осмотрела меня Римма.

– Да, – обреченно кивнула я ей.

Говорить ни с кем не хотелось, я ощущала себя человеком, только что перенесшим тяжелую и опасную хирургическую операцию. Видимо, чувствуя, в каком состоянии я нахожусь, никто не пытался влезть в мою душу каблуками-шпильками. Я автоматически отвечала на телефонные звонки, перебирала бумажки и старалась ни с кем не встретиться глазами. К обеду я поплелась в сторону столовой, не помня ни о чем, о чем должна бы была помнить. Я угрюмо отстояла шумную голодную очередь и набросала на поднос все, от чего должна была отказаться без сожаления. Куриная ножка, салат с майонезом и кусок пирога – все это должно было хоть как-то искупить мои муки.

– Неплохо! Тебя не кормили неделю? – предположил, заглянув на мой поднос через плечо, невесть откуда взявшийся Илья. Я поняла, что не в состоянии радоваться встрече, которую подсознательно ждала всю неделю.

– Только один день, – пробубнила я. Но, взглянула на его поднос и просветлела лицом. – Кто бы говорил!

– А что? Я же не собираюсь замуж за олигарха. Мне пироги не помешают! – улыбнулся он своей удивительной доброжелательной улыбкой. Я невольно подобралась и улыбнулась в ответ.

– Мои коллеги считают, что мне надо немного похудеть, – поделилась болью я. А вдруг он сейчас скажет, что мне просто совершенно незачем так себя истязать? И тогда я радостно расслаблюсь и выкину из головы все рекомендации этих пираний. С другой стороны, я представила, как коллеги по отделу примутся вбивать свои рекомендации обратно в мою башку и решила погодить с расслабоном.

– И что они думают делать для этого? – заинтересовался он.

– Требуют, чтобы я три раза в неделю голодала, бегала по утрам и обливалась холодной водой.

– Некисло, – присвистнул Илья. – И как, получается?

– Пока не очень, – тяжело вздохнула я.

– Голодать три дня в неделю очень тяжело. А вот обливания я и сам очень уважаю, – легко прокомментировал мою ядерную войну Илья.

– И что, ты сам пробовал? – усомнилась я.

– А как же! Я и сейчас это делаю, когда хочу взбодриться, – поделился опытом он.

– Но я **СОВЕРШЕННО** не почувствовала обещанного прилива сил. Мне хочется спать и есть! – разозлилась я.

– Это просто первая реакция на изменения. Нужна практика. И не переборщить. Начинать с прохладной воды. Это достаточно. И не выплескивай все сразу, а сначала оботрись мокрым полотенцем. Это намного легче и приятнее. А вот с бегом поосторожнее. Лучше начать с ходьбы. Одень в уши музыку и попробуй быстро пройтись, может, так понравится. А как твои matrimониальные планы? – поинтересовался он.

Я внимательно осмотрела его беззаботный жующий вид. Вроде бы получалось, что его занимало и интересовало все, что меня касается. Причем ему удавалось как-то так говорить, что слова не казались безапелляционным утверждением. Просто мнение. Хочешь – слушай, а хочешь – выкинь и забудь. Я слушала. Мне с ним было приятно поговорить. Так и хотелось выложить все наболевшее и попросить совета.

Кстати говоря, через некоторое время мои matrimониальные планы как раз потребовали хорошего дельного совета. Дело в том, что с легкой руки Тани Дроновой в куче сайтов англоязычных стран появилась моя роскошная фотография (хотя, говоря по правде, весьма средняя) с описанием моих неистощимых «прелестей» и достоинств. А поскольку девушки с цифрой «два» в первой колонке возраста, с образованием, пристойной внешностью и готовностью к серьезным отношениям ценились в сети весьма высоко, на почтовый ящик Риммы обвалилось море писем от кандидатов на мое будущее счастье. Мне их получать не доверялось.

– Почему я не могу получать весточки любви на свой мейл? – возмущалась я.

– Зачем тебе весь этот спам? Мы занимается конкретным бизнес-проектом, а ты изо всей кучи писем выберешь самого неподходящего. И пиши пропало, – отмахнулась от меня Римка.

– Почему ты мне не доверяешь, – пыталась обидеться я, но мои вопли были грубо проигнорированы. Римма осуществляла первичный отбор кандидатов, Таня Дронова переводила письма. Основной лавинообразный поток иностранцев составляли ловеласы, желающие простого сермяжного секса. Они не стеснялись в выражениях и призывали меня к «свободе и гармонии природного инстинкта».

– Жгучий брюнет Максимилиан, с французскими корнями и темпераментом, будет рад слиться с вами в едином порыве страсти. О себе: около 40 лет, техничный, красивый, без комплексов, люблю эксперименты, – под общий хохот зачитывала Танюша.

– Черномордый старый козел, маленький лысый урод-извращенец, – со смехом переводила подобные письма с мужского языка на язык правды Саша Селиванова. В конечном итоге, после двухнедельных мучений Римма и Таня отобрали для меня около пяти вполне приличных на первый взгляд кандидатур. Два американца «чуть за сорок», два европейца разной локализации и один новозеландец.

– Я абсолютно ничего не знаю про Новую Зеландию! – спорила о его включении в список я.

– Ничего. Нормальная англоязычная страна. Стерпится-слубится, – отрезала Римка. Я напугалась, что скоро могу оказаться непонятно зачем у черта на куличках. Однако долго бояться мне никто не дал, поскольку мое незнание языка создавало уже вполне ощутимые проблемы. Получалось, что на самом деле со всеми моими «протеже» переписывалась Таня Дронова, что ее категорически не устраивало.

– Я, может, и не против уехать на ПМЖ, но здесь у меня вполне приличный парень, который совершенно не одобрит подобной эпистоляррии, – пояснила она мне и выложила пачку распечатанных на принтере писем. – Разбирайся дальше сама.

– Спасибо, – пискнула я и попыталась выкинуть письма из головы и из ящика рабочего стола.

– Только попробуй! – пригрозила мне Римка. – Вот, дарю тебе словарь. И найди уже курсы. Они все начинаются с сентября, так что время у тебя есть.

– Что же мне делать? – спросила я у Ильи, когда мы очередной раз «совершенно случайно» столкнулись в столовой. Чтобы наша случайная встреча не прошла мимо нас, мы с

некоторых пор с маниакальной пунктуальностью являлись в столовую оба ровно без четверти два. Если одного из нас не было, второй начинал грустить и терять аппетит. Впрочем, не знаю, терял ли Илья аппетит во время моих авралов, когда из кабинета вылетал наш начальник отдела и заставлял всех «наконец перестать разминать вола, а для разнообразия немного поработать над прямыми задачами». Но мне его в такие моменты определенно не доставало.

– Давай, я тебе письма поперевожу, – благородно предложил он.

– А ты что, знаешь английский? – взвизгнула от восторга я.

– Ну, немного могу разобрать, – скромно потупился он. Впрочем, конечно же, он дразнился, как и всегда.

– А ответы поможешь составить? – принялась взбираться к нему на шею с ногами я. Он не возражал.

– Я могу даже тебя потренировать разговорному английскому. А то уедешь и придется самой колупаться.

– Здорово! – восхитилась я. – А это тебя не затруднит?

– Нисколько, – сфальшивил он. Впрочем, я могла бы и сама догадаться, что невозможно потратить кучу времени на обучение английской морфологии, и не затрудниться. Но если уж он сам добровольно идет на это – я-то чего буду рыпаться. Ура!

– Римма, я нашла того, кто подучит меня английскому еще до сентября! – радостно поделилась успехами я с подругой.

– Только не говори мне, что это твой Илья, с которым ты бесполезно набиваешь организм калориями в столовой! – с досадой отмахнулась она.

– А что ты имеешь против него? Я с ним просто болтаю! Он – очень хороший человек, – слабо защищалась я.

– Ты просто неразборчивая дебилка! – встряла в разговор взъерошенная Селиванова. – Тебе надо худеть и изучать этикет, чтобы не ударить лицом в грязь, когда поедешь в Новую Зеландию, а ты толстеешь, чтобы поболтать с лимитчиком из Краснодара.

– А тебе чего? Не твое собачье дело! Я могу болтать с кем хочу! А на смену стиля и этикет у меня все равно денег нет, – горячилась я. Мне было непонятно, зачем и почему мерзкая Селиванова поливает грязью человека, которого никогда в глаза не видела.

– Хоть бы тогда эрудированность подняла. Давно ты читала журнал «Итоги»? – пригвоздила меня к стене она. Я растерялась.

– Он дико скучный. Какое мне дело до проблемы демографического кризиса в Индии.

– Темнота! – с удовольствием констатировала факт моей дремучести Саша.

– Ладно, хрен бы с ней, с эрудированностью, – объявила конец раунда Таня Дронова. – Пусть действительно учится английскому. Хоть бы и у этого Ильи, черт бы его побрал.

– Обязательно, – заулыбалась я.

– Только пожалуйста, не вляпайся ни в какую очередную дурацкую историю! – без особой надежды попросила Римма.

– Он – не то, что тебе надо, – кивнула Таня.

Саша Селиванова фыркнула и вышла в курилку. Туда ей и дорога. А теперь, как бы там ни было, я смогу честно и с полного одобрения коллектива видеться с Ильей, потому что это будет не хухры-мухры, а уроки английского языка. И как бы там не сложилась история с моим замужеством, я с пользой и в полном душевном восторге проведу с ним немало приятных минут. Надеюсь, что так.

– Ну как? Ты решилась? Готова грызть гранит науки? – спросил он меня на следующий день, когда я мучительно пыталась отказаться от котлеты в пользу свекольного салата.

– С удовольствием, если только тебе не будет в тягость, – кивнула я и с удивлением отметила, что при взгляде на его насмешливое небритое лицо у меня замирает сердце. Ой, не дове-

сти б до беды, подумала я. Ненароком влюбляться в совершенно не тех мужчин – это как раз то, что мне лучше всего удастся.

– What are you doing now? – огорошил меня он.

– Ась?

– Что ты планировала делать сегодня после работы? – улыбнулся он.

– Я сказала бы конечно, что собиралась хорошенько проштудировать мировую политическую и экономическую информацию, но, если честно, до конца моего любимого сериала осталось всего несколько серий. Я не могу так просто отказать себе в этом.

– Что? – теперь уже была его очередь поперхнуться компотом.

– А то. Все требуют, чтобы я стала сознательным взрослым членом общества, но пока я не узнаю, чьим же на самом деле ребенком была Луиза Мария, я взрослеть отказываюсь! – гордо закончила я.

– Я не настаиваю, – засмеялся Илья. – Попробуй передать свою любовь к сериалам на английском.

– I love serial, – начала я познания иностранных пучин.

– В случае, когда речь не идет о большом светлом советском чувстве любви, замени love на like, ok? – улыбнулся он.

– Ok! – кивнула и отчего-то покраснела я. Странно, с того дня, как Илья посоветовал мне не бросать обливания, я и правда вполне адекватно опрокидываю на себя ведро с ледяной (ну, не ледяной, а прохладной, что с того) водой (ну хорошо, с почти теплой). А пешая прогулка с музыкой в ушах действительно гораздо больше подошла к моему неспортивному организму. Теперь вот начинаю говорить по-английски. Кажется, он имеет на меня самое положительное влияние. А я-то думала, что это невозможно. Хотя... Это моя мамуля говорила, что «горбатого могила исправит». Но она как-то с самого детства все ждала, когда я покачусь по наклонной. Кстати, интересно, до какой степени она не доверяет своей собственной генетике. С чего бы? Что называется, есть повод задуматься!

Глава 5. Happy birthday to you

Духовно-нравственная переписка с томящимися за океаном кандидатами на мое сердце и руку с немного облупившимся маникюром продвигалась семимильными шагами. Наибольший интерес, по мнению общественности, представлял активный новозеландец Кристиан, который был то ли фермером, то ли животноводом. Женщины в Новой Зеландии были довольно дефицитным товаром, поэтому среднестатистический представитель среднего класса Крис был настроен решительно и серьезно. Настолько решительно, что к концу сентября мы вплотную подошли к возможности вызова и моей поездки на первое свидание.

– Я не могу дождаться, когда смогу рассказать тебе о своих чувствах, глядя в глаза. Я очень хочу детей, – читал мне Илья письмо пугающе нежного новозеландца. Самым ужасным для меня было то, что Крис был всерьез готов платить за мой перелет из московской осени в новозеландские весенние экологически чистые субтропики. Он так устал искать себе девушку с семейными мечтами, что готов был принять меня в любящие объятия, не взвешивая и не измеряя. Единственный вопрос, который его волновал – могу ли я рожать детей.

– Как я буду жить с ним на этом его пастбище? – паниковала я, глядя, как Илья переводит мои корректные многообещающие ответы.

– Ну, скорее всего поначалу тебя захватит романтика. Большой дом с видом на реку, катание на лошадях по саванне, поцелуи при луне. А потом ты родишь ребенка, разведешься с ним, оттяпаешь половину его имущества и посоветуешь поискать жену в Таиланде, – усмехнулся Илья. – Как написать? «Ценю близкие доверительные отношения» или «хочу найти взаимопонимание»?

– Напиши «ценю банковский счет и отсутствие больших сексуальных претензий», – мрачно бросила я и вышла из комнаты. Илья с пониманием проводил меня взглядом. Мы тренировали английский у меня дома, где, обложившись учебниками, я с восторгом пыталась предлагать *to drink a cup of tee or a cup of safe*.

– *May be the bottle of Martini or wine?* – хотелось сказать мне на самом деле. Говорить с Ильей на любом языке было приятно и не напряжно. А вот читать вместе с ним письма моих англоговорящих претендентов было не так уж здорово. Подруги криком кричали, что пора менять Илью и его сомнительные знания на платные и очень перспективные курсы, но я, делая вид, что мне не хватает денег, продолжала уроки. Если честно, с момента «Принятия Решения» утекло уже столько воды, что я бы давно забила на этих Крисов, Смитов и Лайонов, если бы не возможность под этим предлогом сидеть за моим маленьким столом у меня дома и склоняться над одним и тем же учебником, по которому со смехом можно было разыгрывать самые нелепые сценки.

– *My mother's house dispose in the village*, – с серьезным лицом вещала я, думая, какой смысл в том, чтобы по-английски оповестить кого-то, что моя матушка сеет укроп в воронежской деревне.

– *Really?* – деланно потрясался Илья и мы хохотали.

– *I very-very like to eat a candy!* – делилась я самым наболевшим, поскольку разгрузочные дни вызвали во мне непреодолимое стремление к конфеткам и к шоколаду вообще, в любом его виде.

– *What are you think about it?* – с садистской улыбкой Илья доставал из какого-нибудь кармана своей объемной кожаной сумки шоколадку.

– И что мне теперь делать? Отказаться по-английски? – сглатывала слюну я.

– Слопать по-русски, – смеялся он. – Тебе совсем не так уж и нужно худеть, и потом, никогда нельзя отказывать себе в необходимом.

– Да уж, этот обломок сладкой жизни мне категорически необходим, – соглашалась я. В таком ключе изучать язык я могла бы вечно. Однако на работе все требовали динамики. Дело шло к моему дню рождения, я должна была что-то предпринять в связи с вызовом Кристиана.

– Ты поедешь в Зеландию? – допрашивала меня с пристрастием Римма.

– Сколько ты весишь? Ты когда последний раз взвешивалась? – спрашивала Таня Дронова. – Почему от тебя вечно пахнет шоколадом?

– Я вешу столько же, сколько и два дня назад. Или ты думала, я похудею за два дня? – зверела я.

– Ладно, живи, – выпускала она меня из своих цепких объятий. – Но контроль за тобой совершенно необходим! Ты и сама должна это понимать.

– Конечно-конечно, – сюсюкала я и выметалась в столовку. Странное дело, у меня иногда появлялось такое ощущение, что я раздваиваюсь. Как-то раньше была Катя Баркова и все. А теперь Катя Баркова как личность и Катя Баркова как физиологический организм. И у них разные цели и задачи.

– А какие задачи у организма? – заинтересовалась Римка, когда я в очередной раз мучалась совестью из-за лишней плюшки.

– Организм только и делает, что хочет шоколада. И пирожок, и салатик. Старается меня обдурить, запутать и измотать. «Слопай это сейчас, а завтра станешь самой правильной из всех правильных, похудеешь так, что все ахнут!».

– Это точно, кстати! – отреагировала Анечка. – Я тоже это замечала. Наверное, это реакция организма на стресс. Ты его прекращаешь кормить, а он думает, что пришла война. И готовит запасы, чтобы пережить долгую ядерную зиму.

– И вовсе это не это! – гавкнула Селиванова. – Одна сплошная лень с малодушие. Безволие.

– Наверное, – уныло кивнула я, подумав про себя, что не очень-то это приятно, спорить с самой собой, как шизофреник. Раньше я не задумывалась о похудении, лопала, что под руку попадет и никак не страдала. И не поправлялась. Ну, может, чуть-чуть. По килограмму в три года. А теперь я испытываю приливы паники, когда меня заставляют взойти на весы. Хорошо хоть, что весы у меня дома показывают числа с погрешностью в пару кило в любую сторону.

– Когда худеешь, можно слопать конфет больше, чем когда спокойно живешь и не думаешь об этом, – поддержала меня Римка. Все-таки не такая уж она была злая внутри. Просто хочется ей сделать из меня мечту поэта. А как тут по-другому, если в день моего рождения придется признать, что я уже не так молода для инфантильного одиночества. Завтра, двадцать пятого сентября мне официально присвоят очередное звание, на погонах нашьют лычки «тридцатилетней», и ничего с этим поделаться было нельзя.

Гороскоп, который я по привычке читала пару раз в месяц, пытаюсь жить в соответствии с мировой гармонией, утром моего первого в четвертом десятке дня высказался необычно подробно, словно бы пытался предостеречь меня – непутевую блудную дочь, от множества невидимых и ужасных подводных камней.

«Сегодня не лучший день для общения со старшими, родители станут настаивать на своем, переубедить их бесполезно. Напряженная домашняя атмосфера побудит Вас провести вечер в обществе друзей. Если решается жилищный вопрос, то необходимо будет „покрутиться“, чтобы не остаться в дураках. Успешны знакомства и поездки».

Я долго вчитывалась в строчки, пытаюсь понять, пора ли мне уже спастись бегством или еще можно погодить. В целом, общения со старшими я особенно не ожидала, если не акцентировать внимание на том, что Римка и Илья все же были несколько старше меня. Мама с утра прекрасно проявилась в телефонной трубке, пожелала мне обычных в такой день радостей жизни и отчалила собирать кабачки.

– Будь хорошей девочкой, веди себя как подобает, уважай старших и заботься о близких и будет тебе счастье, – в обычном для моей мамы ключе напутствовала меня она, а я, на секунду забывшись, почувствовала себя девочкой-первоклассницей, которой поправляют сбившиеся банты и плечики кружевного фартучка.

– Спасибо, мамочка, – елейным тоном лила на нее дочернюю любовь я.

– Как здоровье Олега Петровича? – формально проявила интерес к моему «мужу» мама. Я поперхнулась. Потому что как-то давненько о нем не вспоминала.

– Прекрасно, – с максимальной степенью естественности в голосе выдавила я. – Жаль только, что он в командировке.

– Да что ты? – удивилась мама. Не то чтобы командировка была таким уж редким явлением, но за все время моей жизни с псевдомужем он ни разу не покидал города. Зная маму, я попыталась моментально искренне поверить в то, что он действительно уехал у командировку и что он действительно все еще мой официальный муж. Потому что если я хочу, чтобы в это поверила мамуля, то ни на секунду не должна усомниться в этом сама.

– Вернется только через неделю, какая жалость.

– А что он тебе подарил? – огорошила меня мама. Странно, что она не посвятила свою жизнь следственным действиям, к ним у нее явный талант.

– Подарок! – я тоже не льком шита.

– Хороший? – засомневалась мама.

– Цепочку с кулоном, очень красивую, – ляпнула я и сразу же пожалела, потому что теперь надо было срочно думать, где взять напрокат такую цепочку. Мама у меня добрая женщина, но она никогда ничего не забудет и не перепутает. Врать ей было также сложно, как и запихивать голову в пасть тигра. В первый же приезд в Воронежский рай красоты и природы надо нацепить подарок. Я кусала ногти, пытаюсь выработать план, а также пытаюсь поднять себя с кровати и заставить трудиться над именинным столом. Но в этот момент с затейливыми поздравлениями позвонил Илья и я тут же принялась самозабвенно трепаться. Я вняла всем его пожеланиям, покраснела от затейливых до обратного эффекта комплиментов и принялась жаловаться на горькую жизнь, создающую мне проблемы на ровном месте.

– А когда ты туда поедешь? – переспросил меня Илья, которому я по уже хорошо сложившейся привычке выболтала всю проблему.

– К Новому Году точно поеду. Но мама может соскучиться в любую минуту, поэтому любые праздники могут быть объявлены Днем Семьи. В том числе Ноябрьские, а они через месяц.

– Чуть больше.

– Все равно мало чтобы раздобыть приличный кулон. Потому что Олег Петрович не стал бы мне дарить говна, ой, то есть дряни. То есть... – запуталась в нецензурной лексике я.

– Я примерно понял, – засмеялся Илья. – Слушай, а почему бы не сказать маме, что ты уже почти гражданка Новой Зеландии? А Олега Петровича давно можно почтить как павшего смертью храбрых?

– Что ты! – ужаснулась я. – Мама тут же примется устраивать мою судьбу с яростью, перед которой окажутся бессильными все. Это будет куда хуже Римки «сотоварищи».

– Н-да, – хмыкнул Полянский. – Так во сколько приходиться?

– Сразу после работы. К половине шестого. Раз уж я взяла отгул по такому грустному поводу, как тридцатилетие, надо этот отгул достойно отгулять. Я уже практически приступила к изготовлению праздничного стола! – гордо похвасталась я. Это была не совсем правда, хотя действительно еще с вечера я мужественно сгоняла Ромку на рынок и теперь любовалась на ряды сумок с ингредиентами, которые надо бы превратить во что-то праздничное, восхитительное. Буду вспоминать наши Юго-Западные изыски. Подругам бы я наметала оливье с жареной курицей, потому что им после второй стопки будет вполне все равно, чем закусывать. Но

вот Илье хотелось продемонстрировать свои кулинарные таланты. Должны же у меня быть какие-то другие качества кроме алчности и способности к вранью.

– Зачем ты его пригласила! – разоралась Римка, когда спросила про список гостей. – Как далеко у вас все зашло?

– Совсем недалеко. Даже *past continuum* до конца не прошли, – включила глухаря я. Ничего не хочу знать, потому что во всем этом моем тридцатилетии Ильи будет единственным, что действительно по-настоящему может порадовать меня. Вернее, его шутки, смешки, дразнилки. Его еле заметный саркастический ум, его легкость, его обычность, которой так не хватает в Крисе и ему подобных.

– Дура. Все дело испортишь! Завтра же будешь подавать на визу. Вызов уже неделю как пришел, а она, понимаешь, Илью пригласила! – пыхтела Римма.

– А еще минута, тебя я вычеркну из приглашенных, – пригрозила я. Римка отдышалась, вполне вежливо уточнила, что мне подарить, как будто не собиралась ограничиться покупкой туалетной воды около метро и пообещала «не портить мне праздник». Я еще раз вчиталась в гороскоп. «Напряженная домашняя атмосфера побудит Вас провести вечер в обществе друзей». Что-то пока все наоборот.

К пяти часам я, под воздействием вдохновения, накрыла стол, который потряс даже меня саму. Я не нарушила заветы «Лиги худеющих женщин среднего возраста». Салаты заправляла только легким майонезом, торт купила с надписью «низкокалорийный», хотя и знала, что это дикая чушь и вранье. Какая разница, если это все равно торт, в котором килограмм теста, сахара, сливок, пусть даже и растительных. Просто надпись «низкокалорийный» приятно грела душу и давала полные моральные основания слопать не один маленький, а два больших куска. Или больше, но это если дадут. Короче, в целях конспирации все маскировалось под диетическую пищу. Даже колбасу, сыр и прочие конфетки-бараночки я замаскировала зеленью, чтобы сохранялась имитация овощной направленности. Вечер обещал быть томным. Сначала проснувшийся братец подарил мне какие-то суперстильные кроссовки для моего утреннего бега. Оказывается, эти физкультурные ухищрения не оставили его равнодушным.

– Они легкие, дышащие и не сдавливают ногу, – промямлил он, переминаясь с ноги на ногу, а я вдруг расчувствовалась, потому что какой-то излишней любви в Ромке никак не предполагалось.

– С днем рождения поздравляем, счастья-радости желаем, – глупо ухмыляясь, отгарабанили мои Полинки-Наташки, завалившись дружною гурьбой в мой дом. Я заглянула в пакет, который, по идее, должен был содержать подарочки. Там было... Конечно!

– Бейлиз? Вау! И Виски!

– Мы знали, чем порадовать нашу Катюшу, – нежно глядя на накрытый стол, пояснила Наташа Намбер Ван.

– Не слопайте все сразу, умоляю, – пыталась я сохранить внешний дизайн до прихода Ильи. Однако он приехал позже всех, заставив меня изрядно подергаться. Я дергалась, прислушиваясь ко входной двери, дергалась, потому что это звонил не он, а Римма, дергалась, потому что не хотела, чтобы Римма поняла, что я дергаюсь. Поэтому, к тому времени, когда он пришел, я уже совершенно задолбалась дергаться и принялась переживать и бояться, что он вообще не придет. Я смотрела на веселящихся по поводу моей начинающейся старости подружек и представляла себе причины Илюшкиной неявки. У меня выходили прямо противоположные варианты. То он попал под автобус, который протащил его десять метров, и теперь он лежит без сознания на операционном столе в институте Склифосовского. То он просто не захотел прийти, потому что у меня скучно, глупо и сама я страшная, толстая врушка, не заслуживающая внимания. Надо сказать, на таких фантазиях я с трудом сдерживала слезы. Первый вариант мне нравился куда больше, по крайней мере, тогда я могла бы героически проводить дни и ночи на кушетке около его палаты. Стол планомерно уничтожался, народ планомерно

набирался. Точнее даже так: содержимое стола планомерно перемещалось внутрь гостей. Я пила Бейлиз. Надо было хоть чем-то радовать себя.

– Ждешь Илью? – с пристрастием посмотрела в мои грустные, как у коровы зимой, глаза Римка.

– Вот еще. Он просто учит меня английскому. И все. Было просто неудобно не пригласить его, – вальяжно врала я.

– Звонят! – поднял вверх указательный палец Ромка. Я рванула к двери. Римма неодобрительно посмотрела мне вслед. Я понимала, что еще буду платить по этому счету, но на этот раз за дверью стоял Илья Полянский, обычный мужчина в джинсах и теплом пуловере как будто домашней вязки, к которому я пообещала относиться с полнейшим равнодушием.

– С Днем рождения, – улыбнулся он. Его очки блеснули, отсвечивая свет лампы в прихожей. Я улыбнулась в ответ, в первый раз за весь день почувствовав радость и ощутив праздник. – Желаю счастья и прочих сопутствующих радостей.

– Спасибо, – вежливо присела в книксене я.

– Это тебе подарок, – протянул он мне большую цветастую коробочку с бантом.

– Что это? – распахнула все глаза я. Коробка была настолько большой, что в ней поместился бы кухонный комбайн. Непонятно, что такого мог туда засунуть Илья. Я попыталась что-то прочесть по его глазам, но у меня ничего не получилось. Он как всегда насмешливо улыбался.

– Раскрой!

– А можно? – как-то с опаской осмотрела роскошную обертку я. Но тут подскочили остальные участники беспредела и стали требовать, чтобы я открыла эту тайну. После этого я в полной мере ощутила все удовольствие от аттракциона «коробка в коробке». Я разрывала одну обертку и обнаруживала под ней еще одну. Потом еще и еще. Сначала я складывала бумажки и коробки аккуратненько, но потом уже одновременно и злилась, и смеялась, и пыхтела. Конечный размер конечной коробки составлял примерно пенал из-под ручки. Я распахнула его и обомлела. С замершим от восторга сердцем я держала на ладонях прекрасный кулон. То ли с рубином, то ли с его имитацией. То ли из золота, то ли, как я надеялась, нет. Потому что объяснить себе, что мы с Ильей просто «дружим» на предмет иностранных языков, если он преподнес мне золотое кольцо с рубином, я никак не смогу.

– Какая красота! Но это же, наверное, невероятно дорого! Я не могу принять такой подарок, – еле заставила себя вымолвить положенные в таком случае слова.

– Это еще почему? – возмутился он.

– Это уж слишком.

– Больше тянет на взятку! – кивнула Римма.

– Я вас уверяю, это совсем не так и дорого. Это же ведь просто бижутерия. И потом, тебе не полтора года исполняется, а самый крутой юбилей в жизни, – помолчав, стал объясняться он.

– Это не драгоценности?

– Нет, – искренне удивился вопросу он. У меня отлегло от сердца.

– Тогда спасибо! – улыбнулась я. – Но с чего бы это ты... Мог бы принести туалетной воды... Все равно ее все носят, – от растерянности несла какой-то бред.

– Помнишь, утром мы говорили, – засмеялся он.

– О чем? – не въехала с первого раза я.

– О маме. О подарке Олега Петровича, – я вспомнила мое вранье для мамы и все поняла. Вот умничка!

– То есть, мне есть, чем отмазаться перед мамой! – наконец осознала всю полезность подарка я. Он и был роскошен. Невероятно красивая вещь, для подделки. Все-таки и у нас могут делать, когда захотят. Или это импортная? Кто ее знает. Очень тонкой работы дико красивая цепочка с тоненьким золотым кулоном, свисающим золотой каплей. И красноватый

камень внутри. Настоящее кольцо. Смотрится дико дорого, а я могу нацепить ее и таскать, не испытывая никакой двусмысленности. Красота! Тут же я не стала тянуть, перешла от слов к делу и нацепила кольцо на шею, мы принялись пить-гулять, день рождения справлять. Илья удивительным образом радовал меня, даже когда просто лопал остатки салатов. Мои изыски канули в лету еще за час до его прихода, я радовалась тому, что осталось хоть что-то. Илья пришел, не попав под автобус, и жизнь казалась мне очень приятной штукой. Пока мой городок не начал сбываться в самом неожиданном соответствии.

Случилось это примерно часов в девять вечера. В дверь позвонили. Нельзя утверждать достоверно, что мы услышали звонок с первого раза. Все-таки мы довольно рано начали, к тому же страдая в ожидании Ильи, я нахлопалась ирландским ликером, который удивительно легко и приятно пьется, невзирая на довольно высокий градус. Ромка, радуясь, что наконец-то в дом пришел праздник, завел свой излюбленный кислотный «хаус», так что, вполне возможно, в дверь звонили довольно долго. Наконец Полянский, как самый трезвый в силу своего опоздания человек, дернул меня за рукав и прокричал в ухо:

– Катюш, там, кажется, звонят!

– Что?

– Звонят в дверь! Не слышишь?

– Я никого не жду, – пожала плечами и пошла открывать я. На пороге стоял самый страшный кошмар. Мама собственной персоной, нежданно-негаданно материализовавшаяся на нашем пороге. С виду моя мамочка тянет на самый нежный из всех возможных божьих одуванов. Ее чистенький шелковый платочек обрамляет морщинистое доброе лицо старушки, основной радостью которой должна быть прополка огорода, что, в общем-то, соответствует действительности. Но только не сегодня. Сегодня мамуля снова была политработником, матерью с большой буквы и единственным человеком, способным понимать, что для нас с Ромкой лучше. Меня, соответственно, парализовало.

– С днем рождения, – сухо, по-военному отрапортовала мама и, отставив меня в сторону как вешалку с пальто, прошла в наш вертеп. Я попыталась сбросить оцепенение и предупредить брата.

– Ромочка, к нам мама приехала, вот радость! – прокукарекала я срывающимся голосом. Мама недобро посмотрела на меня, потом на Полянского, с интересом разглядывавшего нашу немую сцену из коридора и быстро прошла внутрь помещения. Но не успела. То ли мой слабый крик все-таки долетел до адресата, то ли Илья просек фишку и предупредил всех заранее, но музыка моментально стихла. Квартира погрузилась в тишину.

– Ромочка, здравствуй, – тоном директора школы изрекла мама, оглядывая окрестности. Я с ужасом заглянула в комнату через ее плечо. Увиденное позволило мне, с одной стороны, немного расслабиться, а с другой, потребовало мобилизации всех сил. Ромочка успел. На столе красовались только бутылки с «Колокольчиком». Спиртное, за исключением пары никому до этого не интересных бутылок шампанского, исчезло. Раскрасневшиеся лица подруг и друзей детства излучали позитивизм и положительное влияние. Из динамиков потекла тихая мелодия Самоцветов.

– Мамочка, как ты тут оказалась? Вот это сюрприз! – растянулся в улыбке Ромкин рот.

– Прошу за стол! – радушно развела в стороны руки я.

– Я не голодна. Только попить бы чего-то, – присела на стул мама. Ее лицо было еще более обеспокоенным, чем когда она только вошла и ожидала увидеть царство порока, пьянства и безответственности. Интересно, что к порокам и безответственности она всегда была готова.

– Чай? Кофе? Минералка? – суетилась Полянка, пытаясь сбросить опьянение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.